

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л.С. Васильев

**ЗАКОНЫ ЭВОЛЮЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Препринт WP17/2011/03
Серия WP17

Научные доклады
Лаборатории сравнительного анализа
развития постсоциалистических обществ

Москва
2011

УДК 316.422
ББК 60.56
В85

Редактор серии WP17
«Научные доклады
Лаборатории сравнительного анализа развития
постсоциалистических обществ»
О.И. Шкаратан

В 85 **Васильев, Л. С.** Законы эволюции и проблемы человечества : препринт WP17/2011/03 [Текст] / Л. С. Васильев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 60 с. — 150 экз.

Статья посвящена проблемам макроистории и макросоциологии. Ставится вопрос о глобальных законах эволюции, взаимосвязях Человека и Природы, о взаимодействии и противостоянии их на протяжении истории и в наши дни. Уделено внимание обоснованию авторской концепции исторического процесса, в частности, ведущей роли разума и идейно-институциональной первоосновы (фундамента), определяющего потенции и эволюцию общества, а также критике не соответствующих реалиям позиций теории марксизма (о производительных силах, базисе и формациях). Затронуты проблемы, связанные с причиной отставания бедных и обездоленных, с резким ростом населения планеты, усиливающимся давлением на нее и возникающими в связи с этим опасениями за будущее. Неутешительный итог современного состояния дел в связи с указанными выше проблемами, с геоклиматическими и экологическими неблагоприятиями, обсуждается в заключительной части работы.

УДК 316.422
ББК 60.56

Ключевые слова: генеральные законы эволюции, природа и люди, идейно-институциональная первооснова как фундамент процесса развития, структуры и типы общества, традиционный Восток и антично-буржуазный Запад, модернизация или вестернизация, пробуждение отсталого Востока, XX век и перенаселение планеты, воспроизводство как инстинкт, резкое увеличение числа бедных и отставших, давление человечества на планету, старение Запада, тревожные перспективы.

Васильев Леонид Сергеевич — доктор исторических наук (1976), ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ.

Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Васильев Л. С., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Отечественные обществоведы старшего поколения, — не говоря уже о многочисленных публицистах, пропагандистах и примитивных апологетах марксистского большевизма в недавнем прошлом, — вынужденно считали, и в немалой своей части даже искренне верили, что первоосновой эволюции являются *производительные силы*, а движущими силами, локомотивами истории, — *классовая борьба* и провоцируемые ею революции. На чем, не считая силового внедрения идеологических догматов, держалась эта вера?

В основном на теории формаций, которую было принято воспринимать как безусловную истину в последней и неоспоримой инстанции (подспудно все отчетливо сознавали, что случится с теми, кто попытается ее оспаривать). Но давайте вкратце проанализируем, на чем все-таки держалась эта теория и ее сердцевина — *тезис о неких буквально волшебных производительных силах, которые всегда и везде непременно должны были развиваться*, хотя каждому, кто хоть на мгновение задумывался над этим утверждением, становилось ясна абсолютная его несостоятельность: одни развивались и развиваются хорошо и быстро, другие хуже и плохо, а третьи вообще не идут вперед. Почему же так?

О гипотетических законах эволюции

Но прервемся на мгновение и начнем издалека. Историсофия как отрасль знания, смысл которой сводится к познанию проблем философско-теоретического осмысления истории, исторического процесса, законов эволюции, принадлежит к числу весьма почтенных наук гуманитарного профиля, которой отдавали должное еще древние. Правда, в ту далекую пору осмысление этих проблем было в силу необходимости весьма ограниченным и сводилось либо к суждениям о линейном или цикличном ходе истории, либо к попыткам определить фазы того и другого. Но философский и тем более социополитический смысл такого рода поисков всегда ощущался, а иногда, как в случае с Китаем — а он являет собой именно *страну*

истории, — превалировал. Что касается Китая, то концепция циклической эволюции была там разработана на рубеже I—II тыс. до н.э. знаменитым Чжоу-гуном, которого следует считать творцом основ китайской государственности. Суть его идеологии сводилась к тому, что Небо вручает достойному тому правителю мандат на управление Поднебесной, но только до тех пор, пока он и его наследники сохраняют высокий этический стандарт, который повлиял на выбор Неба¹. Теряя его, династия теряла право на власть, а проявлялось это в том, что Небо отбирало мандат у недобродетельного и передавало его другому, добродетельному и потому достойному (слова *гэ-мин*, смена мандата, ныне используются для обозначения понятия *революция*).

Античные философы предлагали немало других вариантов осмысления закономерностей исторического процесса, чаще линейных, сводившихся к смене одних веков другими (от золотого к железному у Гесиода или от дикости к цивилизации в трудах Демокрита и Лукреция), а в христианстве от первого пришествия Христа ко второму. Позже, и почти исключительно на буржуазном Западе, когда там начала формироваться современная наука, историософия в форме учений о смене разных периодов (Древность, Средневековье, Новое время; исторические и неисторические народы у Гегеля; формации у К. Маркса), нашла место в концепциях разных мыслителей. Возникли со временем, уже в XX в., и новые, отходившие от линейности, склонные заменять процесс перемен признанием равноценности остальных и передовых, как получилось в теории локальных цивилизаций у А. Тойнби.

Должен сказать, что, за исключением прочно устоявшегося ныне членения истории на Древность, Средневековье и Новое время, ни одна из таких теорий признания не получила. И не случайно. Все дело в том, что, если о начале и ходе исторического процесса на протяжении ряда тысячелетий можно в наше время говорить, опираясь на хорошо изученный материал, то о смысле этого процесса до самого последнего времени что-либо определенное сказать было трудно. Проясняется же он, причем далеко не бесспорно и тем более не безальтернативно, лишь в наши дни, а контуры его способны лишь запугать. Собственно, обо всем этом далее и пойдет речь. Дело в том,

¹ Подробнее см.: Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1. М., 1995. С. 230 и след.

что близкое будущее, даже примерные очертания которого не только расплывчаты, но и неопределимы в принципе, все же, несмотря ни на что, поддается некоторой дешифровке. Оговорюсь, что не собираюсь выступать с пророчествами. Более того, гипотетические построения вполне могут оказаться неточными, чему был бы рад и что сам считаю вполне естественным, так как спектр возможностей необозрим. Но все же кое-что, во всяком случае на мой взгляд, просматривается достаточно полно и наглядно. А начать стоит с гипотезы о законах вселенской эволюции. Суть ее сводится к следующему. Наша небольшая планета являет собой скромную часть Солнечной системы, которая, в свою очередь, входит в огромную галактику, являющуюся окраиной какого-то скопления галактик. А скопление — крохотная часть Вселенной, которая появилась где-то 13—14 млрд лет назад в результате Большого Взрыва и с тех пор непрерывно расширяется. Если же учесть, что и до этого взрыва, когда Вселенная появилась из некоей до невообразимого предела сжатой ничтожно малой материальной сущности размером много меньше пылинки, что-то вместо нее — хотя бы та же пылинка, микрочастица, — все-таки было, встает вопрос, как все возникло. Ответить на него наука, как известно, не может. Но что это означает? Значит ли, что вселенная — хаос?

Гипотеза исходит из того, что вселенские процессы, скорее всего, не могут считаться вселенским хаосом, ибо в противном случае они не поддавались бы научному анализу. А они поддаются, причем астрофизики обычно представляют собой наиболее высокоумную группу исследователей, вполне успешно изучающих процессы, происходящие во Вселенной. Отсюда следует, что эти процессы подчинены определенной закономерности, которая хотя и окончательно не познана и никогда, насколько можно понять, до конца познана не будет, тем не менее объективно существует. А сводится она в самых общих чертах к тому, что постоянно происходит неостановимый преобразовательный космический процесс, напоминающий нечто вроде своеобразного *перпетуум мобиле*. В ходе этого не укладываемого в привычные рамки мышления процесса, в детали которого вникать нам нет смысла, на ничтожной части Вселенной, третьей планете нашего Солнца, сложились условия, приведшие к возникновению жизни, а развитие живых существ в процессе эволю-

ции, следуя закономерностям, о которых можно говорить более определенно, — имеются в виду прежде всего великие открытия Ч. Дарвина с его главными идеями естественного отбора в процессе вечной борьбы за существование, — привело к появлению жизни, животных, млекопитающих, гоминид, человека, затем Разума и цивилизации.

Возникает вопрос: как можно представить себе законы вселивной эволюции? Принимая во внимание постулаты теории неравновесных систем², есть основание прийти к выводу, что таких законов гипотетически может, даже должно быть всего два. *Первый из них — закон вызова и ответа.* Что-то где-то когда-то почему-то (для людей религиозных это может быть кто-то, т.е. Творец) посылает вызов, который настоятельно требует некоего движения в определенном направлении. Ответ на вызов может быть адекватным или не вполне адекватным. О неадекватном или не воспринятом вызове речи нет, ибо в этом случае ожидаемое движение не возникает или возникшее оказывается не соответствующим ожиданию, вследствие чего появляется нечто такое, что оказывается нежизнеспособным, обрекая объект на энтропию. Впрочем, существенно сразу же оговориться, что энтропия в условиях Вселенной не означает прекращения существования материи или энергии, но ведет лишь к переходу данной субстанции в другую форму. Если же импульс, несущий вызов, воспринят адекватно, что может считаться ожидаемым ответом на вызов, движение — тот же Большой Взрыв, расширение Вселенной, возникновение скоплений галактик, затем разбегающихся от каждого их них отдельных галактик, от тех

² См., в частности: Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2004. С. 221. Неравновесная система — это система, способная к самоорганизации. Ей, помимо прочего, присуще восприятие воздействий извне. Эволюция, как объясняется понятие с позиций упомянутой теории, — прогрессирующее, не обязательно непрерывное и линейное, заведомо не вполне предсказуемое, хотя и логически объяснимое изменение, приводящее со статистической необратимостью Вселенную в целом (и, как следует полагать, любую ее осязаемую составную часть, — в данном случае нашу планету), к ее нынешнему и будущему состоянию. Не будучи слишком ясным, такое объяснение важно учесть. К нему стоит добавить влияние на эволюцию любого объекта — в частности, человечества, — неких внешних факторов, будь то хотя и не живая, но и не совсем безжизненная наша планета (точнее, олицетворяющая ее Природа) или вселивские закономерности динамики, той же эволюции.

звезд, а от некоторых звезд и планет, — в норме. Движение, стоит предположить, в любом случае продолжает существовать, обретая в зависимости от степени адекватности ответа на вызов различные формы.

В итоге во Вселенной возникает то самое разнообразие, с которым имеет дело современная астрофизика. Где-то появляются сгущения, черные дыры, темная энергия, расширение либо сжатие звезд и многое-многое другое, что является предметом интереса и изучения глубокоуважаемых астрофизиков, особенно теоретиков, а где-то, как у нас (это явно редкий, если вообще не уникальный вариант эволюции), появляется планетная система с одной из планет, идеально приспособленной для возникновения разумной жизни. Возникнув, жизнь и разум развиваются, но при этом строго подчиняясь все тому же первому закону эволюции, т.е. постоянно отвечая на вызовы, на посылаемые им импульсы. Пока жизнь на планете, — теперь речь идет, естественно, о нашей Земле, — включая и высшее ее проявление, разум, дает адекватные ответы на вызовы, следует нормативный процесс эволюции. Когда ответы по какой-либо причине становятся не вполне или вовсе не адекватными, т.е. не могут быть даны, само отсутствие адекватности означает переключение данного вселенского объекта, нашей планеты, с нормативного движения в любое другое, отличающееся от требуемой и ожидаемой нормы. А это ведет к тому, что возникает угроза энтропии. В масштабах Земли такого рода неадекватность может означать серьезную угрозу для всего того, что отмечено на ней заметным уровнем организации, будь то разум или/и даже вообще вся высокоорганизованная жизнь.

Неизбежно встает вопрос: кто или что и как руководит всем этим вселенским движением? Не стану снова возвращаться к уровню Вселенной с ее Большим Взрывом и тем более к весьма загадочной, явно провокативной и практически неразрешимой проблеме существования чего-то (назовем это условно космосом) до взрыва и вне его. Не стоит этого делать хотя бы потому, что наука до сих пор не решила вопрос о том, бесконечно ли во времени и пространстве расширение Вселенной или вполне вероятно ее движение когда-нибудь в обратном направлении, т.е. сжатие назад в пылинку. А ведь этот вопрос, — линейная или циклическая эволюция, — вне зависимости от сосуществования рядом с нашей Вселенной, до и после нее мирадов других, аналогичных, тоже весьма небезынтересен. Так вот, остав-

ляя эту проблему в стороне, вернемся к нашей планете и предположим, что, насколько можно судить, посылают вызовы всему живущему на ней делегировано ей самой, породившей эту жизнь, т.е. *Природе* (с большой буквы).

Вопрос о термине и сущности того, что стоит так именовать, тоже не прост. Не исключено, что многие предпочли бы упростить его, приняв гипотезу существования Творца — ту самую, от которой в знаменательной беседе с Наполеоном отказался, если верить преданию, французский астроном П.-С. Лаплас³. И если следовать этой позиции и принять, что нет места Творцу в той невообразимой, но отнюдь не хаотической, подчиненной вполне определенным и выясняемым наукой закономерностям системе (да и к чему бы сводились в противном случае Его функции — нажимать кнопку?), а есть некая непостижимая нашему разуму прагматичная альтернатива, то и вывод о том, что в рамках планеты аналогичные функции делегированы не живой, хотя и не вовсе безжизненной и нечувствительной Природе, станет вполне приемлемым. Во всяком случае, есть смысл на этом остановиться. Однако прежде чем перейти к другой, более близкой всем нам теме, несколько слов о том, как практически может действовать Природа для того, чтобы добиться от всех живых, населивших планету, того, что ей кажется приемлемым.

Речь о *втором вселенском законе эволюции, законе баланса*. Суть его была блестяще раскрыта Ч. Дарвиным. Основы дарвинизма сводятся, как было упомянуто, к борьбе за существование и естественному отбору. Дарвин первым заметил, что это именно непреложный закон, регулирующий жизнь на планете, ибо без воздействия с его стороны — а это как раз и есть постулируемый мной закон неперемного баланса — потомство одной пары, если ему в этом не препятствовать, за короткий срок завладело бы всей планетой. *Словом, закон баланса сводится к регулированию, к соблюдению во Вселенной в целом, как и в любой ее части, включая нашу планету, приемлемой нормы*. Именно его неумолимые требования фиксируют соблюдение необходимой

³ Стоит обратить внимание на то, что сами современные астрофизики нет-нет, да и вспомнят о Творце. Я, однако, не склонен к этому. Скорее солидаризуюсь с И. Кантом, одним из наиболее известных и уважаемых мыслителей, который во второй части своей едва ли не наиболее поздней работы «Критика способности суждения» (§61–75), не слишком-то жалуя фигуру Творца, писал о несколько загадочной, но объективной *целесолагающей функции* Природы.

нормы и во всех тех случаях, когда это оказывается невозможным, переключают энергию движения, эволюционный процесс, в иные формы. По-своему это происходит во Вселенной, и столь же неприемлемо жестко в скромном масштабе планеты, где альтернативой движения чаще всего выступает энтропия.

Вот эти два гипотетических вселенских закона эволюции, которые для нас реализуются де-факто Природой, и есть изначальная первооснова, исходная движущая сила всего живого и тем более разумного на Земле. И понимать это в наши дни становится просто необходимым. В противном случае все то, что сегодня происходит на планете и что с еще большей энергией будет происходить завтра, окажется людям просто непонятным. А ведь понять можно. Более того, нужно не только понять, но и сделать должные выводы, ибо от этого зависит существование человечества.

Доктрина марксизма и реалии истории

Теперь возвратимся к марксизму с его производительными силами и формациями. Стоит заметить, что концы не сходились с концами и у автора теории, который в СССР воспринимался как высший классик, ни в коем разе не подлежавший критике. Известно, что он сначала утверждал, что все развивавшиеся производительные силы вместе с будто бы зависевшими только и именно от них отношениями собственности (*производственные отношения*) шагали по безоговорочно единому для всех пути из трех шагов-*формаций*: *рабовладение — феодализм — капитализм*. А заинтересовавшись Востоком (нужно было как-то зарабатывать), вынужден был, уже не обращая внимания ни на какие производительные силы и производственные отношения, *постулировать существование* не то чтобы еще одной бог весть откуда взявшейся и как эволюционировавшей, а скорее всего и вовсе не эволюционировавшей формации, а так называемого *азиатского способа производства, который не вписывался в его же систему последовательно сменяющих друг друга формаций*. Современной молодежи не понять и не представить себе, сколько чернил было пролито и сколько научных копий изломано и сил потрачено в спорах по этому поводу, не говоря уже о том, что сущность азиатского

способа производства в его, Маркса, интерпретации оказалась столь впечатляющей и так похожей на строй, установленный в СССР большевиками (государство противостоит сельским общинам в условиях отсутствия частной собственности), что Сталин просто уничтожал тех специалистов, кто позволял себе рассуждать на эту тему.

После смерти тирана ситуация изменилась, но лишь настолько, чтобы востоковеды (а проблема Востока в момент деколонизации стояла очень остро, нужно было разобраться) получили некоторую свободу рук для адекватного исследования действительности. И многие, не исключая и меня, интенсивно использовали противоречивость доктрины, хотя и обычно ограничивались весьма скромно звучащими спорами по поводу терминов (*азиатский* или, как я предлагал, *государственный*) и места этого АСП в ряду остальных трех формаций, к которым он в представлении Маркса не имел никакого отношения. Но это еще далеко не все.

Маркс был серьезным ученым-экономистом, что общепризнано. Но, как справедливо считается, изучал он только одну из трех формаций, — не считая и АСП, всерьез тоже им не изучавшийся. Это капитализм. Однако и здесь кардинальные моменты его теории дают серьезную слабость. Прежде всего в связи с проблемой, которую можно считать краеугольным камнем, коренной для теории генезиса капитализма. Речь о так называемом *первоначальном накоплении*. В соответствующих главах «Капитала» этой проблеме уделено много внимания, в основном на базе изучения процесса формирования капитализма в Англии. Нет слов, Англия действительно является эталоном для исследования такого процесса. Нигде, не исключая и США, развивавшихся в немалой мере уже по апробированной британской модели, столь ясно не видно, как и почему возник капитализм. Но Маркс, следуя своим теориям базиса и надстройки и убедив всех, начиная с себя, в том, что экономическая первооснова — самое важное, так и не сумел разобраться в том, почему именно бедная Англия с начала XVI в., а не всласть пограбившая доколумбову Америку богатая Испания, оказалась страной, породившей капитализм.

Взглянем на эту проблему основательнее. Англия вынуждена была с трудом накапливать средства для того, чтобы иметь тот первоначальный капитал, который позже был ею столь эффективно пущен в дело. Взять этот капитал в стране с весьма скудными ресурсами

было неоткуда, что вынудило английских предбуржуа, включая так называемое новое дворянство, т.е. обуржуазившихся джентри, взять курс на жестокую, принесшую крестьянам столько страданий политику огораживания, ту самую, в ходе которой, как о том писал виднейший из британских интеллектуалов того времени Томас Мор, «овцы съели людей». Смысл политики был как раз в том, чтобы, превратив поля в пастбища, развести овец, стричь их, ткать и выделывать шерсть и продавать ее. Для начала интенсивной предпринимательской деятельности больше неоткуда было англичанам взять необходимые деньги, обрабатываемые ими в капитал. Тот самый капитал, который, в отличие от дохода феодальной знати, не проедается и зря не тратится на пустые забавы, а пускается в дело и приносит проценты, за счет которых постепенно растет. Это, собственно, и есть то самое *первоначальное накопление*.

Все было именно так, как то описал Маркс, отчего его все и считают серьезным экономистом. Но остается главный вопрос, который он вполне осознанно игнорировал. Почему проблемой накопления после Великих географических открытий, радикально преобразовавших весь мир, оказались так заинтересованы столь энергичные и предприимчивые англичане? Почему по этому пути не пошли раньше другие европейцы, прежде всего, в частности, испанцы? Вопрос поставлен далеко не зря и не случайно. Ведь если те самые производительные силы везде растут, они должны были примерно равно расти в столь близких друг к другу, почти соседних странах Западной Европы. Примем во внимание, что Испания в те времена была несравненно крупнее и могущественнее Англии, что ее правители владели и весьма развитыми тогда Нидерландами, и опять-таки наиболее развитой частью Италии (Ломбардия), что именно короли Испании возглавляли Священную Римскую империю германской нации, эту единственную тогда в Европе могущественную империю. Учтем, наконец, что испанцы, захватив и ограбив Америку, вывезли оттуда так много золота и серебра, что в Европе вплоть до ее восточных окраин, до азиатской Османской империи, началась хорошо известная революция цен, в итоге которой денег стало так много, что они сильно подешевели.

Итак, вопрос к правоверным марксистам: почему не богатая Испания, а нищая по сравнению с ней Англия оказалась страной стре-

мительного и крайне успешного генезиса капитализма, тогда как Испания, успешно проев свое богатство, осталась ни при чем и надолго выпала из числа значимых стран европейского Запада? Ответ прост и хорошо известен. Но он будет не по душе правоверным марксистам, как не хотел принимать его во внимание и Маркс. Суть ответа в том, что на процесс генезиса капитализма влияло вовсе не первоначальное накопление богатства, превращаемого в капитал, что было так важно для бедной ресурсами Англии. Основой, определявшей потенциальную возможность генезиса, было вовсе не то, чем всю жизнь столь старательно занимался, работая над «Капиталом», его автор. Не так называемый *базис*, а, напротив, то, что марксизм пренебрежительно именуется надстройкой над этим базисом, лишая тем самым эту надстройку какого-либо серьезного самостоятельного значения. На самом же деле все было наоборот. Да и сам марксизм как именно *надстройка* сыграл в трагической истории человечества XX в. свою страшную роль как раз потому, что первоосновой на деле являются не материально-технические и финансово-экономические реалии. Дорогу в жизнь для этих столь любимых и так очевидно предпочитаемых марксизмом реалий открывают идеи. Разумеется, идеи тоже на что-то опираются. Но поверьте, не на марксистский базис и потому не на испанское богатство, не обращенное в капитал, а *на английские идеи, а в конечном счете на разум человека. На созданную разумом людей систему институтов, которая создает условия для успешной эволюции. В истории человечества только и именно они, возникшие на основе разума идеи и институты, выступали в качестве генеральной ее первоосновы.*

Идейно-институциональный фундамент как первооснова

Теперь самое время обратиться к истории человечества в свете законов эволюции. Процесс развития, эволюции, в том числе жизнь и существование всего сущего, — это движение. Нет его — нет ни сущего, ни жизни, ни разума, а альтернатива всему энтропия. Оставив в стороне космическую Вселенную, обратим теперь внимание на то, что пока не было на Земле людей, эволюция сводилась здесь к от-

крытым Дарвиновым нормам борьбы за существование и естественного отбора. Гибли менее приспособленные, а за их счет выживали остальные, что улучшало позиции каждого вида, открывая путь к его эволюции. Снова возникает вопрос о механизме эволюции и, отвечая на него, опять-таки начнем издалека. Хотя тот биологический вид, к которому мы, люди, давно уже принадлежим, даже если это еще не было в достаточной мере осознано во времена Маркса и Энгельса, едва ли когда-либо были серьезные основания полагать, что человека создал труд (имеется в виду «трудовая теория» марксизма). И это вполне очевидно.

Ведь человечество динамично развивалось на протяжении сперва миллионов лет, а потом в более ускоренном темпе в процессе антропогенеза, *сутью которого был вовсе не труд, а приобретение разума*. Труд, нет слов, играл свою немалую роль, как играет он важную роль в жизни мира животных, где добыча пищи является едва ли не важнейшей повседневной деятельностью в процессе существования любого вида. Ведь добыть пищу, как и избежать печальной участи стать пищей для других, всегда было основным видом деятельности, требовавшей от каждой особи напряжения и трудовых затрат, включая трату элементарных калорий. Но как раз в случае с человеком разумным (*Homo Sapiens*), как мы в науке горделиво именуемся, все не так. Главным отличием человека разумного от тех не слишком разумных предлюдей, не говоря о животных, которые трудятся, т.е. затрачивают усилия ради достижения жизненно важной цели, является наличие у него разума. Именно *разум и только он позволяет сделать тот же труд гораздо более производительным*, что и лежит в основе всех успехов человечества за долгие десятки тысячелетий его существования (теперь можно вспомнить о производительных силах).

И очень важно, сформулировав предлагаемый неоспоримый постулат, сразу же еще раз отметить, что идея о производительных силах трактует реалии неверно. И дело не в том, что марксисты чего-то не понимали, *они не хотели понять*. Достаточно любому взять в руки какое-либо пособие, популяризовавшее основы марксизма, чтобы убедиться в том, что, делая акцент на эти самые силы, говорится о чем угодно, вплоть до опыта работника, взявшего в руки орудие труда, но не о разуме того, кто это орудие выдумал. И *людьми труда* марксизм всегда считал и именовал только занятых физическим тру-

дом пролетариев, но никогда не интеллектуалов, *причем делал это именно потому, что считал главной его рабочую силу производителя, человека физического труда, но никак не умственный труд интеллигента, работавшего прежде всего, а то и исключительно головой.* Больше того, вся упоминавшаяся выше трудовая теория антропогенеза и выдумана-то была именно для этого. Да еще для того, чтобы подкрепить насквозь лживую и опять-таки созданную для возвеличения пролетариев теорию о базисе и надстройке (базис — все то, что имеет отношение к производству как к физическим усилиям пролетариев, а надстройка — всякие там идеи и институты, которые к этому отношению как бы и не имеют). *На самом же деле в истории человечества все обстояло и обстоит как раз наоборот.*

Любому, знакомому хоть немного с историей, причем не только очень древней, но и самой современной, хорошо известно, что она движется вперед усилиями человеческого разума. Начиная с тех, кто придумал привязать камень к палке и сделать топор, использовать огонь для защиты от зверей, сумел изобрести колесо или повозку, запрячь в нее одомашненное животное или научиться выращивать растения и использовать их в пищу, вылепить и обжечь глиняный горшок, до тех, кто изобрел ткацкий станок, электрический мотор, самолет, ракету, ядерный реактор или компьютер. *Все это результат работы людей, обладавших разумом.* И не просто имевших голову, даже с мозгами, но самых выдающихся из них, выделявшихся среди них врожденными — от Природы с ее мутациями — задатками, которые по получении необходимых знаний можно было довести до уровня умного, а то и очень умного человека с сопутствующими ему памятью и знаниями.

И хотя на каждый миллион средних и ниже среднего обычных людей выдавался, быть может, только один такой очень умный, этого за всю историю человечества всегда оказывалось достаточно для того, чтобы оно, человечество, по крайней мере в лице передовых его отрядов, успешно двигалось вперед, да еще все ускоряющимися темпами со все усложнявшимися задачами, которые следовало решать по пути эволюции. И здесь важно добавить для ясности еще одно обстоятельство чрезвычайной важности. Речь не только о тех, кто придумывал орудия труда и средства производства. Не меньшую роль в истории и в эволюции людей сыграли те деятели культуры,

которые не имели к этому ни малейшего отношения, но чьи высокие и умные идеи и соответствующие созданные ими правовые, нравственные и многие прочие институты, начиная с религиозных заповедей, позволяли людям переставать быть животными, обуздывать в себе инстинкты, устанавливать разумные порядки общежития и становиться лучше. Словом, оказывается, вопреки ложным марксистским учениям, что *первооснова эволюции — это разум, мысль, идея, институты*, которые помогали и помогают людям становиться людьми, а лучшим из них делать то, что позволяют их способности, для общества в целом, для всего человечества.

Или, иначе, движущая сила эволюции — тот идейно-институциональный фундамент, который закладывается лучшими в качестве первоосновы общего развития. Правда, при этом всегда остается не слишком ясным вопрос, что же выпадает на долю остальных и как большинство использует потенциал выдающихся умов и способности лучших. И справедливости ради важно с самого начала заметить, что именно с этим далеко не все ясно. Как, впрочем, и не всегда было одинаково. Люди готовы воспеть в мифах или легендах выдающиеся качества тех, кто, как считается, в далеком прошлом научил их тому или этому, открыл для них что-то новое и важное в их жизни. И хотя мудрость ушедших в прошлое первооткрывателей чаще всего познавалась и признавалась лишь задним числом, а, будучи переинтерпретированной, могла приобрести совсем иную конкретную форму и быть приписанной иному лицу, а то и божеству, эта явная несправедливость не слишком меняет существо дела. Главное в том, что важность первооткрытия понималась и осознавалась, пусть даже чаще лишь задним числом.

Но к одному открытию дело отнюдь не сводилось. И если на примитивном уровне это было особо важно, то после достижения определенного стандарта и тем более реализации процесса раннего политогенеза, возникновения государств, становилось все более очевидным, что главное — в организации общества и в создании надежного для этого идейно-институционального фундамента. Те народы, которые ранее других сумели создать основы государственности, особенно в сочетании с очагами ранней урбанистической цивилизации, оказывались в более комфортных условиях, позволявших им энергичнее, организованнее и спокойнее добиваться успехов. В своих

историко-социологических разработках я постоянно и вполне намеренно подчеркивал преимущества античного либерально-демократического идейно-институционального фундамента с его полноправными гражданами по сравнению с предшествовавшим ему восточным, основанным на всесии власти и полном бесправии лишенных законно гарантированной частной собственности безвластных, даже порабощенных подданных. И этот акцент, фиксирующий разницу между *мировой деревней* и *мировым городом* и объясняющий, почему буржуазная индустриальная цивилизация могла развиваться и достичь колоссальных успехов не где-либо, а именно в *обществе западного типа (причем не в отсталой и высокомерной феодальной Испании, а во вставшей на путь предбуржуазного и буржуазного развития и с XIII в. обзаведшейся деятельным парламентом и значимой Великой хартией вольности Англии)* очень важен. Однако важно принять во внимание, что Запад вышел на авансцену сравнительно поздно. Почему же так получилось?

Авторская концепция исторического процесса

Концепция исторического процесса, охватывающего всю длительную историю человечества, касающаяся всех его стран и народов, что затем было отражено в соответствующих изданиях, была мной разработана за несколько последних десятилетий и, хотя основы ее излагались и прежде, опубликована в основном уже в нашем веке⁴. Смысл ее сводится к тому, что вся мировая история представляет собой арену последовательного появления, а затем противостояния и вынужденного сосуществования двух основных структур, и соответственно, двух типов общества — восточного и западного. Начать необходимо с ха-

⁴ Имеются в виду выдержавший несколько изданий учебник в 2-х томах «История Востока» (1-е изд. М.: Высшая школа, 1993; 6-е изд. М.: Юрайт, 2011): «Всеобщая история» в 6 т. Т. 1. Древний Восток и античность, М.: Высшая школа, 2007; Т. 2. Восток и Запад в средние века. М.: Высшая школа, 2007; Т. 3. От средних веков к новому времени. М.: Высшая школа, 2008; Т. 4. Новое время (XIX в.). М.: Высшая школа, 2010 (Т. 5. От нового времени к современности; Т. 6. Современность. Глобальные проблемы человечества — пока в рукописи); История религий Востока (1-е изд. М.: КДУ, 1983; 8-е М.: КДУ, 2006); История религий. М.: КДУ, 2008; Эволюция общества. М.: КДУ, 2011. Модернизация как исторический феномен. М., 2011.

рактические характеристики первой и наиболее примитивной из них, с весьма обстоятельно разработанной мной *структуры власти-собственности*.

Впервые этот термин был в моих работах предложен, а само понятие обстоятельно обосновано в начале 80-х годов. Корни его уходят в глубокую древность и сводятся к праву старшего в примитивно-первобытном коллективе перераспределять по своему усмотрению общее достояние группы, что соответствовало уровню развития социума (локальная группа охотников и собирателей, семейно-клановая ячейка оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов) в условиях отсутствия представления о собственности. Вначале это еще не была власть, а было вполне естественное право старшего заботиться о благосостоянии доверившегося или в силу родства оказавшегося доверенным ему коллектива, заинтересованного в существовании группы столь же, если даже не более сильно, нежели то было характерным для стаи или стада животных. Однако со временем и по мере усложнения общества и начала процесса раннего политогенеза (деревня-община во главе с общинным старейшиной, племя и племенное протогосударство во главе с вождем) обстоятельства изменялись. Заинтересованность каждого члена коллектива в единстве с численно возросшей группой — ведь росли и враждебные группы, от которых можно было ожидать неприятностей, — позволяла руководству ощущать свою значимость и силу, что превращало его в носителя немалой по объему и имевшей тенденцию к сакрализации власти.

Возникало четкое представление о власти, которая резко возвышалась, возвеличивалась, а затем и сакрализовала ее носителя. Власть при этом становилась не просто чем-то первичным, бесконтрольным, неоспоримым, как неоспорима роль вожака в стае. Она — и в этом ее отличие от власти вожака в стае — превращалась в основную, главную прерогативу, одной из важнейших функций которой, наряду с заботой о благосостоянии, охране достояния группы, становилась редистрибуция, перераспределение совместного достояния. Эта функция в условиях усложнения форм социума и процесса раннего политогенеза, оформления ранних форм государственности, племенной, а затем и урбанистической, т.е. знакомой с городской цивилизацией, вела к тому, что древневосточные или — вариант — древнеамериканские государства на первых порах, насколько известно, не были знакомы с представлением о собственности, тем более частной. Зато они хорошо знали, что такое авторитарная власть правителя, в фигуре ко-

торого обычно сочеталось политическое всемогущество и религиозное обожествление (правитель-первосвященник был посредником между земным миром и миром божеств).

Сохранение как раз такой власти, в чем были заинтересованы и управители, и управляемые, предполагало борьбу за стабильность и противодействие в уже сложившемся государстве любому непредвиденному развитию, особенно в сфере экономики. Развивались ремесло и торговля, города богатели, де-факто возникала в конечном счете и частная собственность, но условий для появления буржуазии не было потому, что частная собственность рассматривалась как покушение на священное право правителя, его администрации и казны на безусловное, тысячелетиями устоявшееся право старших на редистрибуцию всего достояния государства. Отсюда жесткий контроль власти над всем достоянием коллектива, включая и частную собственность подданных, и крайне медленные темпы эволюции, т.е. жизненно необходимого движения вперед. *Это и было нормой мировой деревни, общества восточного типа*⁵.

Перед нами явное несоответствие. Ни одно из древних восточных (американские в этом смысле тоже восточные) государств в рамках уже урбанистической, т.е. знакомой с городами цивилизации, будучи де-факто знакомыми с частной собственностью, правовой системы, которая строго стояла бы на страже частного права, не знало. Зато все они хорошо знали, что такое авторитарная власть правителя, в фигуре которого сочеталось политическое могущество и религиозное обожествление правителя-первосвященника в качестве посредника между земным миром и миром божеств, призванных гарантировать благосостояние его подданных. Эволюционное движение тем самым вполне осознанно тормозилось, а фактически приостанавливалось. Самим восточным государствам, да и их населению, это было безразлично, они даже заботились о том, чтобы сохранить столь высоко ценившуюся ими консервативную стабильность. Но Природа, отвечающая за то, что происходит на планете,

⁵ См.: Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982; см. также: Васильев Л.С. Власть-собственность – генеральная структура неантичных и добуржуазных обществ // Восток как предмет экономических исследований. М., 2008; Васильев Л.С. Эволюция общества. М., 2011.

подвластной вселенским законам, не должна была допустить, если принять гипотезу о вселенских законах эволюции, столь явного прекращения эволюции, ибо это грозило энтропией. Она была вынуждена посылать импульсы, которые не воспринимались восточными государствами с их структурой власти-собственности и обществами восточного типа. Но эти настойчивые, как надо полагать, импульсы были уловлены людьми на ослабленной периферии ближневосточного мира (американский до этого не дожил — помешали европейцы, начиная с Колумба), древними греками. *Ответом их на этот вызов стало появление античного полиса как принципиально новой генеральной структуры, сформировавшейся в качестве исторического противовеса первобытно-восточной власти-собственности.*

Античность как исторический феномен, как социополитическая мутация (а Природа, как известно, мастер мутаций; посредством именно их шло эволюционное развитие всех видов живых, включая человекообразных и человека) родилась в уникальных условиях Эллады, заметно изолированной от восточных государств с их древней цивилизацией. Древнегреческие полисы, генетически связанные с заново, совершенно другим способом и в иных обстоятельствах трансформировавшейся земледельческой общинной первобытностью, функционально оказались полисами, т.е. скорее даже небольшими городами, нежели деревнями. *Такие полисы и стали зародышем мирового города.* А их население, выступив против претензий на власть почти полностью уничтоженной варварами-дорийцами прослойки ушедших в прошлое административных верхов, басилеев и аристократов-эвпатридов, характерных для крито-микенского очага цивилизации и государственности древневосточного типа, заложило основы совершенно нового гражданского общества во главе с избранной им и подотчетной ему администрацией. Эта выборная и подотчетная гражданам администрация, в отличие от власти на Востоке, оказалась озабоченной тем, чтобы каждый гражданин-собственник имел условия для беспрепятственного превращения своих доходов в протокапитал, приносящий ему — а не ей — проценты.

Были тщательно разработаны система прав, гарантии свобод, процедуры суда и голосования, что заложило основы антично-протобуржуазной либерально-демократической рыночно-частнособственнической структуры, которая призвана была принципиально

противостоять первобытно-восточной. Мало того, умелая обширная колонизация, необходимая для развития этой новой структуры, позволила античным грекам, жившим на скудной земле, активно эволюционировать, *двигаться по пути весьма энергичной интенсивной модернизации, как социополитической идейно-институциональной, так и, как результат, как следствие этого, рыночно-частнобизнеснической производствен-предпринимательской, протобуржуазной по ее хозяйственно-экономической сути.*

Населявшие небольшую окраину ближневосточного мира, в котором происходили значимые интеграционные процессы, приведшие к возникновению гигантской персидской империи Ахеменидов, сумевших объединить весь регион с его древними высококультурными государствами, греки, как могло показаться, были неспособны противостоять могучей силе азиатов. Однако вышло иначе. Полисы Греции, порой, даже довольно часто враждовавшие между собой, сумели в трудный для них час объединиться и дать достойный отпор персам. Серия греко-персидских войн не привела к чьей-либо победе, что вполне можно считать большим успехом античной Греции. А затем последовало и нечто вовсе необъяснимое. Небольшая армия греков и союзных им македонцев, живших к северу от них в рамках возглавлявшейся царем Филиппом Македонии, сумели после смерти Филиппа одолеть персов. Возглавивший войско один из величайших полководцев в истории Александр сумел с небольшим войском одолеть армию Дария III и завоевать весь ближневосточный регион. После завоеваний Александра принципы греческой античности, их идейно-институциональный фундамент начали силовым образом внедряться в практику древнего восточного мира с его властью-собственностью. И хотя сам Александр вскоре после завоевания умер, его сподвижники активно продолжали политику эллинизации.

Из Греции и Македонии приглашались с охотой приезжавшие переселенцы, а создававшиеся заново города и в меньшей степени, но тоже достаточно активно институционально перестраивавшиеся старые, пусть не все, меняли традиционный облик и образ жизни значительной части населения. Правда, только городского, где и язык в ходу был греческий, и все отношения складывались, хотя и с некоторыми уступками Востоку, по эллинистической норме. Все это привело к тому, что с IV в. до н.э. эллинизм начал успешно распространяться на территории Ближнего Востока, а египетская столица Александрия стала центром того великого начинания, которое мы при-

выкли именовать модернизацией (известно множество технико-технологических новаций античности, включая эпоху эллинизма, как например достаточно сложные автоматы типа тех, которые в наши дни продают желающим воду или мелкие предметы). Казалось, все складывается как нельзя лучше. Однако на деле было не так. Молчаливая ближневосточная деревенская периферия, *хора*, в процесс не включалась. Она очень спокойно мирилась с тем, что города жили по-гречески, но сама от этого не менялась. Напротив, стойко сохраняла привычный стандарт существования и не очень охотно говорила по-гречески (упрощенный диалект *койне*) даже тогда, когда в лице отдельных немногих ее представителей вынуждена была общаться с городами.

И преодолеть хору малочисленные греки и македонцы, даже пустив корни и просуществовав на Ближнем Востоке несколько веков, так и не сумели. А потом на смену эллинам пришел Рим. Выступив в качестве наследника греческих полисов со всеми их неоспоримыми новациями и добавив к ним немало своих, чему специалисты подчас до наших дней не перестают удивляться (чего стоят хотя бы римские дороги, разного рода мосты и акведуки, не говоря уже о мелочах вроде туалетов для воинских колоний), сам Рим продолжал развиваться в том же привычном духе антично-протокапиталистической структуры, что была характерна для всей просуществовавшей около тысячелетия античности. Однако как раз в той ближневосточной его части, которая привычно именуется термином Римский Восток и куда римляне пришли как бы для поддержки угасавшей политики и практики эллинизма, Рим, и особенно Римская империя, с начала новой эры взял несколько другой курс. Он не ставил своей целью романизацию, что очень заметно отличало его от эллинов, по крайней мере в прошлом ведшим себя иначе.

Правда, когда империя разделилась на две части, а восточная часть стала центром христианизации всей империи, изменения, вызванные в начале новой эры интенсивной христианизацией региона, где христианство как религия и возникло, сделали свое дело. Такие огромные провинции Римского Востока, как Египет и Сирия, стали почти сплошь христианскими. Однако и это не сыграло решающей роли в преобразовании деревенско-общинной хоры. Она и в христианском ее обличье оставалась враждебной эллинизму, а собственно романизации практически почти не ощущала. И это сыграло свою роль, особенно тогда, когда Западный Рим был уже готов рухнуть под ударами

первобытных и полупервобытных кочевников и полукочевников, прибывших в Европу из восточных степей. Правда, восточная часть империи, Византия, уцелела. Но когда воодушевленные идеей пророка арабские бедуины начали свое победоносное шествие из песчаных степей Аравии через всю северную Африку к Пиренеям, не удержалась и Византия, начавшая слабеть, а затем и более чем заметно ориентализоваться. Словом, обстоятельства складывались таким образом, что античность вынуждена была отступать по всем фронтам. Иногда даже считают, что на этом с античностью было покончено.

На самом деле все не так. Варварские государства Западной Европы с их первобытно-восточной структурой власти-собственности в ее наиболее примитивной феодально-раздробленной модификации, когда отсутствие развитой инфраструктуры и сколько-нибудь заметной администрации не позволяло создать систему централизованной редиистрибуции (ее альтернативой и был феодализм с присущей ему децентрализованной редиистрибуцией), вынуждены были – в том, что касалось городов, – опереться на античную традицию. Это очень важно принять во внимание. Дело в том, что практически вся западно-европейская территория была представлена потомками густо расселенных на территории Европы римских военных, отставников-колонистов и их потомков. Они, как и энергичные христианские миссионеры, тоже не безразличны к античной традиции, в русле которой поколениями росли, сыграли решающую роль, подготовив вторгшихся в Европу варваров-кочевников к оседанию на землю и к постепенной их трансформации. Но главное, что сыграло основную роль, было возрождение разрушенных варварами римско-европейских городов на римско-античной основе (другой здесь просто не было). Это и были те основные источники, при помощи которых заново создававшиеся европейские государства освобождались от первобытного варварства и заимствовали греко-римские антично-протобуржуазные стандарты идейно-институционального фундамента.

Европейский Запад и Восток в период Средневековья

Западная Европа в раннем Средневековье медленно, но неуклонно подвергалась аккультурации. *Значимыми центрами всего этого процесса становились заново возникавшие или возрождавшиеся на прежних*

местах города, которые создавались по античной матрице. Каких-либо иных форм городской жизни с самоуправлением, правами, свободами, демократическими процедурами и приоритетом протобуржуазных рыночно-частнособственнических отношений во вновь формирующихся европейских обществах не знали ни потомки римских колонистов (а они составляли численное большинство населения), ни тем более кочевники и полукочевники, чьи вожди и предводители становились королями. Если вспомнить и об огромной роли тоже не чуждого ценностям античности римского христианства, картина станет достаточно ясной. Отвечая на импульсы вызова, призывавшего человечество не тормозить процесс эволюции во избежание энтропии, Западная Европа, насыщенная идеями и институционально, если иметь в виду города, готовая к непрерывной модернизации, достаточно быстро по тем временам приходила в себя. Возглавляемая городами протобуржуазного типа, она энергично шла вперед, что более всего было особенно заметно на примере североитальянской Ломбардии (имя от лангобардов, завоевавших эту территорию в период крушения империи).

Ломбардские агломерации на рубеже I—II тысячелетий превратились в процветающие города-государства. Отвоевав или откупив у феодалов окружающие их город предместья, они становились мощной и процветающей политической и экономической силой, что, к слову, способствовало тому, что и многие феодалы (герцоги типа Сфорца или Медичи) приглашались, но со строго ограниченными правами, управлять городами, в том числе едва ли не главным из них, Флоренцией. Первая половина II тысячелетия прошла под знаком успешной экспансии протобуржуазной экономики, постепенно развивавшейся и превращавшейся в предбуржуазную. Наряду с тяготевшей к Средиземноморью Ломбардией большую роль стало играть тяготевшее к Балтике объединение Ганза, а в городах Европы в первых веках II тысячелетия параллельно с процессом Возрождения (напомним — не чего-либо, но именно античности) появились четкие восходящие к Римскому праву писанные стандарты, прежде всего Любекское и Магдебургское право, достигавшие границ Московии. Крестовые походы позволили Венеции и Генуе торговать с Ближним Востоком. Правда, этот же исторический период характеризовался централизацией ряда бывших варварских коро-

левств и началом процесса их дефеодализации, ведшего к установлению жесткой власти авторитарных монархов. Это сопровождалось пересмотром курса прежних правителей на поддержку городов против всесильных феодалов, что в политическом смысле ослабляло города (феодалы понемногу вписывались в структуру власти-собственности с централизованной редиистрибуцией, составляя слой аристократической элиты при дворах правителей). Однако после хорошо известных и толкавших мир к дальнейшей модернизации мощных, охвативших всю Западную Европу движений за осознанное возрождение античных стандартов (Ренессанс и затем церковная антикатолическая Реформация) ситуация стала меняться в пользу предбуржуазии и ее быстро процветавших городов.

Правда, возглавили процесс не передовые с точки зрения предбуржуазных преобразований протестантские Нидерланды и Англия, а опередившие их в кораблестроении и морских путешествиях более отсталые католические Испания и Португалия, которые возглавили поиск путей на Восток, в сказочно богатую, как все считали, Индию с ее столь нужными европейцам пряностями, необходимыми, в частности, для хранения пищи, не говоря уже о ее вкусе. О причинах этого можно вести речь особо, не забывая о геополитическом факторе. Но для нас важнее обратить внимание на то, что Великие географические открытия поставили последнюю точку на процессе выхода европейской предбуржуазии на мировую авансцену. И хотя это сделали испанцы, наводнившие Европу американским золотом и серебром и вызвавшие революцию цен, но не сумевшие обеспечить успехи своей придавленной властью предбуржуазии, и представлявшие небольшую страну португальцы, сумевшие, обогнув Африку, достичь желанной Индии, колониальное освоение мира началось. Однако ведущее место в нем заняли уже в XVII–XVIII вв. голландцы и англичане.

И с этого момента западноевропейская предбуржуазия стала ускоренными темпами превращаться во вполне развитую буржуазию со свойственным ей стремлением к расширению предпринимательства и производства, равно как и спроса, а также с поиском источников сырья и рынков сбыта. На завершающем этапе европейского Средневековья, в переходном периоде к Новому времени, ушедший в прошлое феодализм был в Европе представлен двумя мощными силами, *централизованными монархиями*, которые опирались на уxo-

дившую корнями в первобытность восточного типа структуру власти-собственности, и *зарождавшейся буржуазией*, стремившейся к власти или к влиянию на власть, но пока не преуспевшей в этом. Именно она, буржуазия, стала вскоре главной в процессе модернизации мира вне Европы. Лидировала вначале маленькая Голландия с ее огромным флотом, а затем почти исключительно и во всяком случае долго Англия, чему способствовала на первых порах королева Елизавета I и где вскоре стал играть активную роль британский парламент.

С XVI в. начался интенсивный процесс освоения застывшего и отстававшего Востока, этой подлинной мировой деревни, ускоренно развивавшимся и модернизовавшимся предбуржуазным Западом, обретавшим черты и признаки мирового города. Как известно, однако, процесс шел поэтапно. Первый период колониализма, — если не считать Латинскую Америку, где под сильным нажимом со стороны конкистадоров и католической церкви интенсивно шла аккультурация, — сводился к энергичному освоению колонизаторами и колонистами (между теми и другими всегда была некоторая разница, хотя аборигенным населением она не ощущалась) стран Востока. Это было время установления связей и развития торговли, причем за желанные пряности нужно было платить, пусть даже недорого. Но столкновение динамичной западной антично-буржуазной структуры с традиционной статичной первобытно-восточной структурой власти-собственности с ее непривычным для мира вне Запада идейно-институциональным фундаментом не могло проходить бесследно. Хотя этот мир вне Запада был пассивным и высоко ценил консервативную стабильность, он вынужден был реагировать на вторжение в него чего-то заведомо чуждого. И такая реакция должна была проявляться в форме достаточно жесткого противостояния, что и было на первых порах. Первый, торговый период колониализма, хотя уже и начинавший кое-где обостряться серьезными противоречиями, на рубеже XVIII—XIX вв. сменился вторым, в некоторых отношениях более жестким. Европейцы энергично укреплялись в странах Востока, становясь там подлинными хозяевами положения.

Вестернизация Востока, как вскоре выяснилось, оказывалась необходимой и утверждавшимся в мире вне Запада европейцам, и местному населению. Коль скоро становилось очевидным, что чужеземцы не уходят и не собираются уходить, даже если на смену одним из

них приходили другие, следовало что-то предпринимать. На Востоке ситуация вылилась в столкновение двух принципиально разных не только структур и обществ, как было в Европе, но и цивилизаций. И разница была очень существенной. В Европе все общество воспринимало модернизацию как нечто свое, ставшее или кое-где только начинавшее становиться, но именно как свое, присущее давно уже сформировавшемуся образу жизни. Разве что авторитарные монархии и не дошедший еще до конца в большинстве стран, кроме Голландии и Англии, процесс дефеодализации противостояли ускорению эволюции. Вне ее все было иначе. И народы, и правящая верхушка, и структура в целом были пронизаны привычными стандартами общества восточного типа, не знакомого с протобуржуазией и с гражданским обществом западного типа. Проблема решения этого противоречия приняла облик вестернизации, которая во всем мире вне Запада стала само собой разумеющейся формой модернизации. Это понятно, если учесть, что модернизация как феномен возникла лишь в античности и продолжала реализовываться только в результате активности антично-буржуазной структуры и общества западного типа.

Вестернизация стала сутью процесса буржуазного преобразования Востока. Однако это было далеко не простым делом. Мир вне Запада смирился с необходимостью вестернизации не сразу. Более того, его не спрашивали. Силой обстоятельств он оказался вынужденным изменяться. И хотя все еще многими этот факт привычно трактуется как грубое насилие со стороны колонизаторов, это не совсем так. Понятно, что принуждение было. Если бы не оно, современный Восток выглядел бы сегодня совершенно иначе, а некоторые народы, прежде всего африканцы, оставались на уровне примитивной первобытности. Конечно, присутствие чужеземцев и стремление навязать свой образ жизни вызывало сопротивление, продолжавшееся веками, вплоть до деколонизации в XX в. Однако важно заметить, что поколения, выраставшие при колониальной зависимости и ощущавшие не только гнет, но и блага, притекавшие вместе с развитой буржуазной цивилизацией, приспособлялись к изменяющимся обстоятельствам. *Отвечая на объективный вызов и подчиняясь требованиям закона баланса*, неевропейский мир шел к определенному равновесию между нежеланием терять свою идентичность (она сохра-

нялась преимущественно в форме религиозно-цивилизационной традиции) и желанием получать все то, что приходило в результате вестернизации.

Все человечество стало соответствовать этим требованиям с начала исторического периода Нового времени, когда под влиянием идей века Просвещения и после Великой французской революции в ходе Наполеоновских войн континентальная Европа восприняла ее достижения. Мощный поток индустриальных новаций, начиная с железных дорог и телеграфа и кончая электричеством, телефоном и множеством других изобретений захлестнул весь мир, включая энергично вестернизовавшийся Восток. Это было, вплоть до начала XX в., периодом триумфа либерально-демократической рыночно-частнособственнической структуры, возникшей на античном идейно-институциональном фундаменте. И именно блага вестернизации преобразовали огромный мир вне Запада, о чем не стоило бы забывать. Подавляющее большинство обществ восточного типа в результате всего этого стали трансформироваться в общества смешанного типа, которые после деколонизации эволюционировали или, по крайней мере, получили возможность развития в сторону обществ западного типа. Впрочем, этот важнейший для всей истории человечества процесс обрел, особенно в XX в., несколько неожиданный вектор, смысл которого начал сводиться не столько к интенсивному экономическому и социополитическому развитию, сколько к неудержимому количественному росту.

Стандарты Востока и Запада в XX в.

Традиционный Восток, объективно подгоняемый колониальным Западом, не стремился и объективно не мог успешно развиваться без буржуазии, т.е. без развитых рыночно-частнособственнических отношений, по-западному патронированных администрацией. Но сделать это, даже при интенсивном нажиме со стороны Запада, было нелегко. На европейском средневековом Западе, подготовленном к такому развитию мощной длительной традицией античности и воздействием раннего христианства, ушло около тысячелетия. Восток

же, за исключением дальневосточно-конфуцианской цивилизации, к прагматичному восприятию преимуществ Запада не был готов.

Важно принять во внимание, что неэффективный с точки зрения новаций и модернизации идейно-институциональный фундамент структуры власти-собственности, тысячелетиями сохранявшийся в качестве первоосновы во всех неантичных и небуржуазных обществах, имел свои преимущества. Они сводились к тому, что живущие в таких обществах отсталые народы с их примитивными полупервобытными социопсихологическими стереотипами сохраняли среду, в которой население соответствующих стран ощущало себя достаточно комфортно и не стремилось к более совершенному, особенно чуждому им, западному. Мне это стало особенно ясно, когда я был занят солидной объемистой работой, результаты которой изданы в форме двух томов «Истории Востока», ныне уже в шестой раз переизданных. Ведь практически нигде после начала интенсивной колонизации неевропейского мира процесс трансформации туземного населения не шел безболезненно. Всюду оно сопротивлялось вторжению иностранцев, причем далеко не только потому, что они чужие.

В первые два-три века торговой колонизации чужих всюду, кроме разве что Америки, было не очень много. Просто они, колонизаторы и колонисты, несли с собой другие формы отношений, другой идейно-институциональный фундамент. И неважно, был ли он лучшим и эффективным с точки зрения улучшения уровня жизни. *Важно то, что он был непривычным, более того, некомфортным и, что очень существенно, к нему было очень трудно приспособиться местному населению.*

Но это как раз и означает, напомним, что никакие производительные силы сами по себе не могут помочь, если производство, развивающееся в условиях буржуазных рыночно-частнособственнических отношений, не опирается достаточно надежно на соответствующий ему фундамент. Этим, собственно, все и сказано. Дело в том, стоит повторить, *что успешное экономическое развитие зависит от наличия или отсутствия должного фундамента.* А фундамент сводится к комплексу идей и институтов, который в состоянии создавать привычные и комфортные условия для существования населения и может при этом резко противоречить тому, к чему это население издавна и прочно привыкло. Встает вопрос, как изменить ситуацию, что сле-

дует для этого сделать. Ответить на него нелегко. Можно сказать, что когда кто-либо пытается дать ответ, очень многое нагромождается в невообразимую гору неясностей. Но дать ответ все же можно и нужно. *Нужно просто действовать, быть может, не без немалых усилий, в необходимом направлении и понимать, что многое, очень многое зависит от привходящих обстоятельств.*

Главное все-таки не только фундамент сам по себе, все основные параметры которого давно и хорошо известны человечеству с момента возникновения древнегреческого полиса. Оно в том, чтобы умело заместить устаревший и неэффективный с точки зрения экономического роста старый фундамент со свойственными ему отсталыми статично-пассивными стандартами, другим, с присущим ему динамично-активным модусом существования. История прошедших веков убедительно продемонстрировала разные варианты взаимодействия этих двух структур и обоих типов общества с их столь отличными идейно-институциональными фундаментами. Можно вспомнить о ближневосточном эллинизме как результате великих воинских успехов Александра Македонского, но не стоит забывать и о крушении Римской империи. Словом, необходимо учитывать все, включая и то, что на эти варианты накладывались еще и особенности различных религиозно-цивилизационных традиций, ощутимо и по-разному воздействовавших на все вступавшие в процесс трансформации страны и народы.

И если вкратце подытожить, то окажется, что хотя первым препятствием или основным содействующим успеху процесса фактором следует считать уровень развития того общества, которое нуждается — с точки зрения законов эволюции — в изменении фундамента, т.е. степень его отсталости, этого еще мало. Важно и многое другое. Играть роль и внутреннее осознание *необходимости и возможности* изменить первооснову, и *степень сродства либо отличий своего комплекса идей и институтов от заимствуемого, и религиозно-цивилизационная специфика, и воздействие на отсталую общность длительное время влиявшей на нее колониальной державы.* К слову, и эти державы тоже могут быть разными. Одно дело католическая Испания с высокомерно-аристократическими традициями и беззаботной приниженностью ее буржуа, а совсем другое протестантская либерально-буржуазная Англия со свойственными ей парламентарно-

демократическими предпочтениями. Важны и условия постколониальной трансформации, равно как и многие другие особенности эволюции тех стран и народов, которые объективно вроде бы должны были быть готовы к перемене фундамента, но в силу ряда причин оказались к этому пригодны много меньше, чем другие. *Словом, обстоятельства в каждом отдельном случае могут быть свои, но важно, чтобы разум приходящих к власти оказывался адекватным объективной потребности страны, а не шел на поводу традиционных восприятий реальности.*

Можно было бы попытаться обратить на все это специальное внимание и разобраться, кто именно, какая страна в наши дни развивается успешнее и сможет ли она, не говоря об остальных, создав необходимый фундамент, ускоренными темпами сблизиться с передовым Западом. Однако следует сразу же заметить, что такого рода предполагаемый анализ в немалой мере теряет свою актуальность по той простой причине, что целью эволюции на уровне, ныне достигнутым человечеством, уже не является и не может быть движение к уравниванию всех или почти всех. Это было более или менее актуальным прежде, еще даже полвека назад. Но мир за последние полвека настолько изменился, что впору ставить вопрос о том, не следует ли человечеству во избежание неприятностей в скором будущем уже сейчас отказаться от безудержно ускоряющихся темпов модернизации и взять курс на некоторую их приостановку. Во всяком случае, на переоценку современных реалий именно с этой могущей показаться на первый взгляд парадоксальной позиции. Причиной тому является резко изменившееся объективное соотношение сил в мире. Такое, которое вполне убедительно свидетельствует, что ни о каком догоняющем развитии в наши дни и речи быть не может. Вопрос в том, как наладить деловое сотрудничество между уменьшающимся в объеме *мировым городом* и разбухшей до невероятных размеров *мировой деревней*.

Объясню суть опасений и поясню свою мысль. В принципе создать другой фундамент в странах вне Запада в наши дни можно, хотя и не везде. Но он уже, скорее всего, не будет вполне равноценным тому, что свойствен современному Западу. Конец XX столетия привел человечество к тому, что самому высокоразвитому Западу впору задуматься над тем, как ему быть дальше. И дело не в том, чтобы что-

то радикально изменить в его фундаменте, а в том, чтобы приспособить этот фундамент к переменам, которые напрашиваются и сводятся к существенному сокращению стремительных темпов того рывка вперед и тех следующих одна за другой технико-технологических новаций, которые для современного человечества объективно становятся ощутимо непосильными. Стареющий в буквальном смысле слова Запад должен позаботиться о том, чтобы не чересчур ослабеть завтра под натиском остального мира.

И это не столько беспочвенные опасения, сколько результат давления неотвратимых реалий. Разберемся во всем сказанном чуть подробнее. Запад как воплощение мирового города за последние 500 лет убедительно сыграл свою ведущую роль. Больше того, его усилия помогли сделать немалый рывок почти всем другим. Но устремляться вперед столь же интенсивно, как прежде, тем более постоянно ускоряющимся темпом, что является ныне для него нормой, он явно уже не может. И не потому, что его силы подорвал кризис начала XXI в., который затронул его все-таки на редкость слабо, во всяком случае против ожиданий. Причина в том, что он не может брать на себя, как бывало прежде, заботу о численно постоянно и стремительно растущем большинстве бедного и отставшего в развитии населения планеты, которое в немалом и все растущем своем числе просто не в состоянии само о себе позаботиться. Не может потому, что у него не хватает на это сил и средств. Но и не только поэтому. Дело в том, что усилиями населения мировой деревни мир за последнее столетие начал уж очень быстро возрастать в числе.

Это породило объективную ситуацию, когда Природа — во всяком случае, есть основания так считать, — оказалась вынуждена резко выступить против явно выходящего из под контроля человечества, проявив себя как могущественная сила, энергично препятствующая дальнейшей его эволюции в такой форме, какую она, эта эволюция, приняла за XX в. и продолжает реализовываться в наши дни. Напомним, о чем идет речь. XX столетие вошло в историю как кровавое, отмеченное длительным существованием тоталитарных режимов, двумя мировыми войнами и одной «холодной». Почему так получилось, что после кратковременного триумфа буржуазных преобразований началась крайне жесткая конфронтация держав, часть которых претендовала на мировое господство? Главной причиной были резкие

перемены на всей планете. Мир вне Запада получил от колониализма мощный допинг, который позволил ему лучше жить и спокойней, без ощутимых потерь от болезней и ранней смертности, воспроизводиться. *А нормы воспроизводства остались прежними, ибо диктуются они не резко улучшившимися условиями жизни, а традиционным уровнем культуры и выработанным им многотысячелетним инстинктом.* Следует подчеркнуть, что изменение уровня культуры и избавление зависимости от инстинкта — дело очень не быстрое, в наилучшем случае требующее нескольких веков, многих поколений.

А времени у быстрорастущего человечества как раз и нет. Ускорение шагов истории свелось в итоге к возрастанию роли антропогенного фактора. Планета не могла быть равнодушной к тому, что находившиеся в спокойных условиях мало, а то и совсем не освоенные территории с молниеносной быстротой начали осваиваться энергично размножившимся человечеством. Едва ли этот фактор, к концу века ставший не только заметным человечеству, но и угрожающим ему, был Природой не замечен. В XV в. людей на Земле было примерно 0,4–0,45 млрд, в XVIII в. — 0,7–0,8, к концу XIX в. — 1,6, а к концу XX в. перевалило за 6,2 млрд. И при всем том доля бедных в этом приросте абсолютно преобладает. Если где-то в 1930 г. из 2 млрд один приходился на развитые западные страны, а другой — на мир вне Запада, то в наши дни — всего через 80 лет — 6 из 7 млрд принадлежат к этому миру, причем подавляющее большинство из них относится к числу бедных и обездоленных, часто не способных себя прокормить. Легко доступные таблицы (кликните через Интернет) свидетельствуют, что в 1960–1974 гг. 1 млрд прироста был достигнут за 14 лет, в 1974–1987 гг. за 13, а в 1987–1999 гг. за 12 лет. В последние десятилетия абсолютный прирост достигал 70–80, даже 90 млн в год, хотя и вроде бы начал чуть снижаться. Но учтите, что мы имеем дело со сложными процентами и что новые миллиарды, подрастая, тоже очень активно воспроизводятся, так что поэтому абсолютный прирост не станет уменьшаться. *Даже если в дальнейшем ускорение темпов приостановится, этот прирост долго еще не прекратится*, если вообще можно на это надеяться. Более того, человечество скорее всего еще на протяжении веков будет наращивать свою численность по той простой причине, что прирост происходит за счет самой отсталой его части, привычно отдающей дань инстинкту воспроизводства.

Каждый год многие десятки — в обозримом будущем долго еще не менее примерно полусотни дополнительных миллионов — это только чистый прирост и потому более чем весомое увеличение. А это означает, что речь идет не просто о перенаселенности и возрастающем давлении на планету, но об осязаемой имеющей тенденцию к возрастанию, давно уже осязающейся и постоянно растущей объективной нехватке средств, которые необходимы для удовлетворения элементарных, но, стоит заметить, усложняющихся потребностей численно увеличивающегося человечества. Имеются в виду, к слову, не только пищевые ресурсы, но и питьевая вода, и дающие воздух леса, не говоря уже о строительном-техническом производстве, о всех тех современных потребностях вроде мобильных и сетей связи, обязательное удовлетворение которых вынужденно рвется вперед тоже возрастающими темпами. Нет смысла вдаваться в детальные расчеты и прикидывать, до каких пор человечество и прежде всего обеспечивающий пока в основном его благополучие передовой и развитый буржуазно-демократический Запад, численно почти не растущий, но вынужденный брать на себя заботу о все возрастающем количестве обездоленных, которые не в силах себя содержать, а иногда и просто элементарно прокормить, сможет справиться с этой выпавшей на него — больше некому — гуманитарной задачей. Но совершенно ясно, что, учитывая темпы прироста, сложности не за горами. Они уже видны любому, кто не закрывает глаза.

Все это, вместе взятое, как легко понять, отнюдь не безразлично Природе, испытывающей чересчур быстро и резко возрастающее на нее давление. И у нее, как опять-таки легко заметить каждому, есть в распоряжении средства, которые дают человечеству понять, что закон баланса не дремлет и что у внешних по отношению к человечеству сил есть возможности действовать. Вспомним, что в памяти людей — а это многие тысячелетия — нет такого обилия серьезных геоклиматических аномалий, с которыми мы столкнулись хотя бы только в начале XXI в. Более того, есть даже соблазн на этом общем фоне иначе поставить вопрос о причинах трагических событий в XX в., включая беззаконие и произвол страшных тоталитарно-террористических режимов и их вождей и фюреров. Ведь истребительные войны и массовые репрессии едва ли стоит воспринимать только как проявление зверских наклонностей правящих элит. Свою роль

могло сыграть появление в мире увеличивавшейся в численности наиболее бедной и обделенной части мировой деревни.

Если уточнить мысль, то нет ли оснований все кровавое XX столетие считать результатом воздействия на людей закона баланса или, выражаясь по-другому, проявлением дарвиновского закона борьбы за существование? Не стоит ли принять во внимание, что чрезмерно быстрое и столь возросшее давление на Природу побудило ее уже тогда, свыше полусотни лет назад, послать человечеству очередной вызов, требовавший учитывать нормы баланса и соблюдать умеренность в процессе прироста? И человечество, даже не отдавая себе в этом отчет, в форме безжалостного уничтожения, истребления сотен миллионов, было вынуждено объективно искать ответ на такой вызов. Этот ответ в начале XX в. материализовался в виде появления феномена тоталитаризма левого и правого толка. То же самое стоит сказать применительно к середине века об акценте на ракетно-ядерную мощь, к обладанию которой ныне приближается все большее количество стран.

Проблемы современности

XX в. отличался рекордным – почти вчетверо – с 1,6 до 6,2–6,4 млрд – ростом числа населяющих планету людей. И это несмотря на две мировые войны, чудовищные по объему уничтоженного мирного населения массовые репрессии в некоторых, прежде всего тоталитарных странах (большевистская Россия, нацистская Германия, маоистский Китай). О роли войн и бедствий, обычно затрагивавших массы людей, во всей истории человечества особо не приходится говорить, она вписывается в открытые Дарвиным законы, всеми признанные применительно к миру живого, но стыдливо замалчиваемые, когда речь заходит о мире людей. Между тем со времен фактического родоначальника демографии Т. Мальтуса специалистам стало вполне ясно, что чрезмерный рост народонаселения в реальности мог быть пресечен лишь несчастьями типа войн, эпидемий, неурожаев. И если не придирается к используемым в мальтузианстве цепям возрастания числа людей и явного отставания от этого темпов роста производства пищи (геометрическая и арифметическая прогрессии

соответственно), не забывая к тому же и о принципиальном ограничении невозобновляемых ресурсов, то окажется, что оба они, Мальтус и Дарвин, — пусть каждый по-своему, — смотрели, увы, что называется, в корень.

В нашем веке неудержимый рост продолжается, причем на 90%, если не больше, он, как и в XX столетии, идет за счет отсталых и более или менее бедных общностей, т.е. именно тех, что в прошлом если и не вымирали, то во всяком случае не имели шансов в достаточном количестве выживать. Этот суровый принцип не случаен; он всегда реализовывался на планете в полном соответствии с законами дарвинизма и постулируемым мною законом вселенского баланса. Но после триумфа в XIX в. буржуазной либеральной демократии на Западе в середине XX в. гуманистически настроенный западный мир, следуя бессмертной формуле А. де Сент-Экзюпери («мы в ответе за тех, кого приручили»), открыл свои закрома и банки для того, чтобы помогать миру вне Запада и вместе с тем (это стоит особо принять во внимание) решительно отказался от колониального вмешательства в его внутренние дела. Ситуация начала резко меняться. Мир вне Запада вздохнул полной грудью, но, не будучи в достаточной мере приспособлен к ответственному самостоятельному существованию на планете и в то же время оказавшись освобожденным от сковывавших его в прошлом ограничений, начал резко возрастать.

Речь об объективных процессах. Коль скоро сотни тысяч и миллионы лет учили все живое, включая гоминид, предлюдей и людей, жить в соответствии с инстинктом, который диктовал и диктует всем видам живых размножаться в максимально возможной мере, ибо опасности подстерегают их на каждом шагу, понятно, что соответствующие традиции крепки. Это объясняет, почему в XX в. вследствие влияния колониального Запада, который длительное время преобразовывал мир по стандарту мирового города, ситуация кардинально изменилась. Придав мировой деревне некоторые *городские* черты и признаки и, в частности, подняв уровень жизни до такого стандарта, который довольно легко позволяет большинству бедных и отставших не вымирать, а выживать, передовой и в большинстве случаев традиционно ненавидимый мировой деревней Запад объективно привел к логическому концу генеральные принципы процесса поступательной эволюции. Баланс оказался нарушенным, причем по многим параметрам.

Прежде всего потерпела неудачу теория догоняющего развития. Ни страны Дальнего Востока с его столь развитой конфуцианской культурой труда, ни латиноамериканские, развивавшиеся под серьезным влиянием институтов США после ликвидации колониальной зависимости, что произошло почти двести лет назад, Запад, за редкими исключениями типа Японии и Кореи, не догнали. Более того, этот самый Запад, особенно американская его часть, стал стремительно уходить вперед как по уровню жизни, так и по тому, что его обеспечивало, т.е. по стандарту идейно-институционального фундамента. И вот наступил момент, когда положение дел стало меняться. Сразу оговорюсь, перемены еще слабо заметны. Запад, особенно американский, далеко впереди, он обогнал всех, и намного. Но он не то чтобы выдохся, скорее устал. *А устал потому, что время, постоянно утяжелявшее его ношу, росло, и рост был и остается все растущим, неудержимо растущим. А приходится это время на постоянно уменьшающееся количество работоспособного населения.*

Это вторая после резкого увеличения в мире количества бедных и отсталых серьезная демографическая проблема. Речь о старении в буквальном смысле слова. В отличие от всего остального мира Запад численно почти не растет, а сохранение количества населения происходит либо за счет миграции из неразвитых стран, либо в результате вроде бы весьма даже благотворного увеличения продолжительности жизни. Беда в том, что *результатом становится снижение числа подготовленных к столь нужному в западных странах квалифицированному труду трудоспособных, а также рост заболеваемости, естественного спутника старости.* Это значит, что завтрашний Запад будет больше нуждаться в деньгах на пенсии и на лечение, а работающих в нем будет заметно меньше, причем к тому же менее квалифицированных — за счет мигрантов. Отсюда следует, что завтрашний Запад не сможет с прежней интенсивностью заботиться о бедных и отсталых, количество которых, не стоит забывать, будет намного большим, чем сегодня.

Логически рассуждая, это означает, что Запад просто не потянет ту ношу, которая будет возложена на него. Есть ли выход? Многие с легкостью готовы теоретически переложить эту ношу на те здоровые молодые силы, которые олицетворяются двумя быстро растущими гигантами мировой политики и экономики, Китаем и Индией. И это

не случайно. Очень по-разному, но оба они уверенно идут вперед, довольно быстро и успешно. Китай потому, что ему уже не мешают утопические заскоки марксистского маоизма с их попыткой воспеть мировую деревню, но очень помогает конфуцианство с его жестким курсом на приоритет умных и способных, который их, *умных и способных, усилиями умело сочетается с либерально-демократическими (при всей нелюбви к этому термину) рыночно-частнобизнесменскими отношениями буржуазного типа с присущими им элементами весьма своеобразного гражданского общества и даже некоторой античной правовой культуры.* Индия же в основном из-за того, что *влияние британской парламентарно-правовой традиции удивительным образом удачно легло на традиционную систему каст и открыло дорогу основным параметрам антично-буржуазной либеральной демократии.*

Все так, но стоит сразу же сказать, что оба гиганта, даже вместе взятые, не в состоянии заменить передовой Запад и не будут в состоянии сделать это в обозримом будущем. Не могут и не смогут потому, что каждая из этих гигантских стран остается наполовину бедной, если даже не нищей, и соответственно наполовину отсталой, вынужденной заботиться о многих собственных бедных и отсталых, число которых, слепо повинаясь общей закономерности, будет к тому же постоянно расти. Ограничившись этими ремарками, имеет смысл заметить, что другие крупные страны (если оставить в стороне весь высокоразвитый Запад, прибавив к нему Японию и Корею, — не КНДР!) тоже мало что могут в этом смысле изменить. Они, как Турция и, с немалыми оговорками, Бразилия, Индонезия или Пакистан, едва в состоянии себя содержать на более или менее должном уровне. И если даже прибавить к числу этих последних нефтедолларовые арабские монархии, весьма своеобразную ЮАР и еще несколько стран с их выделяющимся в лучшую сторону статусом, это уже все-таки не вполне мировой город, чаще *смесь его с мировой деревней.* А вот весь остальной мир, включая, к сожалению, и Россию, — увы, но это именно так, — не более чем общества смешанного типа, но обычно гораздо ближе стоящие к стандарту мировой деревни. Они, разумеется, разные. Следует сознавать, насколько по многим параметрам различны друг от друга, скажем, Нигерия и Россия, Египет и Афганистан. Но независимо от того, как обстоит сегодня и будет обстоять завтра дело с идейно-институциональным фундаментом западного типа

в таких странах, включая в их число и только что упомянутые особо выделенные Китай и Индию, факт остается неизменным: они — страны и общества именно смешанного, т.е. восточно-западного и деревенско-городского типа. И никуда им от этого не уйти, во всяком случае долго, еще довольно долго. А вот время в наши дни не терпит. Напротив, подстегивает человечество. Так что же делать ему, человечеству?

Бедные и отставшие в развитии

В середине XIX в. К. Маркс сформулировал идею, суть которой сводится к тому, что бедные должны восстать против богатых. Правда, он имел в виду пролетариат развитых стран и будто бы эксплуатирующую его буржуазию. Востоком он не слишком сильно интересовался и серьезной революционной силой его не считал. Это и оказалось роковым его просчетом. Не прошло и полувека, как выяснилось, что процветание буржуазии в условиях рыночно-частнособственнической либерально-демократической структуры стран Запада способствует и процветанию пролетариата, который быстро переставал быть пролетариатом, превращаясь в наемных работников, умеющих с помощью организованных профсоюзов не только постоять за себя, но и превратиться в достаточно имущих и неплохо живущих.

Разумеется, такой поворот событий очень огорчил Маркса, который умер, разочаровавшись и так и не дописав труд своей жизни («Капитал»). Исторический парадокс, однако, оказался в том, что марксизм не умер, но, напротив, легко ожил вскоре после смерти своего основателя, уже в первой половине XX в. Однако это была теперь совсем иная доктрина, а развивали ее экстремисты в тех странах, где не было ни пролетариата, ни буржуазии. Это были страны (мировая деревня), которые испытали давление европейского колониализма и, в немалой мере развившись за этот счет, но не будучи удовлетворены уровнем своего развития, стали брать на вооружение экстремальные призывы марксизма к восстанию и диктатуре. Движения под таким лозунгом имели обыкновение и, что важно, реально могли собирать немалое количество недовольных, которым вожди под лозунгами большевиков или маоистов обычно многое обеща-

ли, но, победив, не умели ничего дать. Тем не менее, щедро уничтожая на своем пути миллионы и десятки миллионов мирных жителей в своих странах, они довольно долго существовали, пока новые поколения руководителей не оказывались вынужденными изменить их политический курс и экономическую политику.

В аналогичном положении — это была уже своеобразная вторая волна псевдомарксистского экстремизма — оказались и многие деколонизованные страны Тропической Африки или исламской Азии во второй половине XX в. Конец этих режимов был примерно таким же. Однако процесс перенаселения планеты за счет бедных и отсталых на этом не остановился. На рубеже XX—XXI столетий он как бы обрел новую силу. На сей раз свою роль сыграли два несколько неожиданных фактора. Во-первых, неуправляемое движение за восстановление агрессивной мощи первозданного раннесредневекового ислама и, во-вторых, невиданный прежде поток нефтедолларов, в немалой своей части появившийся в странах, преимущественно населенных опять-таки мусульманами и потому причастных к политике борьбы бедных и отсталых под экстремистскими лозунгами. Пока исламские страны были в серьезной зависимости от колониальных держав, они, оказываясь слабыми, не могли предъявлять претензий. Но в XX столетии и особенно после падения тоталитарных режимов, не привыкших церемониться с теми, кто готов вступать с ними в конфронтацию, ситуация изменилась, причем очень существенно, даже радикально.

Либерально-демократические буржуазные страны, включая и колониальную администрацию, немало сделали для создания необходимых им рынков сбыта и источников сырья, в котором (имеется в виду сырьевые ресурсы) ведущее место со временем все более прочно занимала нефть, главный энергоресурс. А после деколонизации все нефтепромыслы и созданная для этого инфраструктура стали источником нефтедолларов, которые в обилии оседали преимущественно в исламских странах. Обогащение мира ислама нефтедолларами счастливо для него совпало с исчезновением тоталитаризма, не терпевшего конкуренции, и с очередным — после триумфа в конце XIX столетия — выходом на авансцену истории либеральной буржуазной демократии. Либерализм западной буржуазии и появление потеснившего арабов Израиля вызвали и вызывают неприятие со стороны

ислама, что объективно содействовало и содействует росту в традиционной мусульманской среде фундаменталистских настроений и, как следствие, окрашенного в ярко и подчеркнуто антизападные тона стремления к возрождению чистоты ислама времен пророка. А так как в XX в. увеличение численности мира ислама (чему всегда способствовала притягательность и простота его доктрины, не говоря уже о специфике социальной иерархии, не знакомой с влиятельным слоем наследственной знати) быстро шло за счет бедных и отсталых, преимущественно африканцев, это стремление становилось все заметнее и подбодряло экстремистов. И в условиях, когда на смену поверженным тоталитарным режимам марксистов в конце XX в. пришел идейный в этом смысле вакуум, исламский экстремизм обрел довольно прочную почву под ногами.

Но почему борьба за приоритет ислама во всем мире приняла несколько неожиданную на первый взгляд форму террора с массовым уничтожением не только и даже не столько тех, кого мусульмане привычно могли бы считать неверными (хотя это их главная не обойденная и Кораном цель, о чем свидетельствуют жертвы террористических актов в США, Англии и Испании), сколько своих же собратьев-мусульман, как то видно в Ираке, Пакистане и во многих других исламских странах или на населенных преимущественно мусульманами территориях, вплоть до северной части Кавказа? С одной стороны, это может быть воспринято как попытка запугать несогласных в своих странах. Но ведь случайными жертвами — а они при массовых террористических актах почти всегда случайны — могут оказаться и сочувствующие экстремистам. Видимо, стоит на некоторое время забыть о целях фанатиков и снова вернуться к нашей главной теме. Или, иначе, не следует ли рассматривать тоталитарно-террористическую сеть экстремистов ислама, которая пришла на смену тоталитарным режимам XX в., и все ее жертвы как свидетельство все того же, о чем ведется речь?

А речь о том, что экстремальные движения бедных и отсталых народов, численность и доля которых на планете все возрастает, это своеобразный неадекватный ответ на вызов Природы, всерьез обеспокоенной крайней степенью крушения баланса. Или опять-таки речь об объективной тенденции. Сравнительно недавно, пару десятилетий назад, наиболее глубокий анализ проблем современности и

связанных с ними перспектив предложил гарвардский профессор С. Хантингтон. Речь шла о роли цивилизационных различий в современном мире и о грядущем, уже вполне заметном конфликте между западной цивилизацией и некоторыми восточными (он был склонен сближать в качестве основного противовеса Западу китайскую и исламскую). Ныне его исследование получило не только широкое распространение, но и весьма значительное признание. Оставляя в стороне закономерные сомнения по поводу явно ошибочного сближения китайской цивилизации в этом плане с исламской, ибо они не только по доктринальным основам, но и по степени толерантности и экстремизма очень разные, есть немало оснований заметить, что нечто очень важное осталось вне поля зрения исследователя.

Он не то чтобы вовсе не заметил, но явно недооценил то, что выдвигается на первый план в моем анализе, т.е. проблему перенаселенности планеты преимущественно за счет элементарного крайне обильного воспроизводства наиболее бедной и отсталой части ее населения, которое обитает на территориях вне Запада и в силу разных причин очень слабо вестернизуется. А ведь именно это ведет к тому, что агрессивный экспансионизм исламистов, явно задающий тон во всей зоне ислама, сопровождается стремлением достаточно многих амбициозных политиков использовать это для усиления нажима всей мировой деревни на развитый Запад, быстрыми темпами уходящий вперед по пути эволюции.

В этой связи важно иметь в виду, что шаги истории ускоряются. И это тоже рождает парадоксы. Одно за другим следуют открытия, в ходе которых современные люди с их, пусть не всех, достигшим очень высокого уровня разумом стремятся, познав тайны природы, в какой-то степени подчинить ее. Считается, что это на благо человечеству. Но есть ли основания полагать, что столь энергичный темп движения вперед действительно приведет к ожидаемым результатам, что он приведет мир только к успехам и что так будет всегда? Хотелось бы, чтобы было так. Однако пора, наконец, понять, что давно уже ясно вырисовываются пределы роста. *Нельзя не считать с тем, что мы живем и всегда будем жить в замкнутом пространстве планеты. Больше для нас нигде нет и никогда не будет места.* А это значит, что мы должны понимать неизбежное. Оно в том, что привычный наш мир, что более чем вероятно, движется к катастрофе

просто потому, что поведение человечества резко расходится с установленным Природой вселенским законом баланса, если угодно, — просто с нормой. Ничем не контролируемый и почти не сдерживаемый внешними факторами (войнами, эпидемиями, политикой руководства стран) ускоряющийся прирост населения, которое уже к середине века, через какие-нибудь четыре десятилетия, достигнет, скорее всего, 10–11 млрд — не преувеличение каких-нибудь алармистов, а, к сожалению, неоспоримый факт.

Возникает все тот же вопрос, где взять достаточное количество пищи, даже питьевой воды, не говоря уже обо всем прочем. А если принять во внимание, что все это будет требоваться в постоянно и быстрыми темпами увеличивающемся объеме, должны будут расти технические мощности. Разумеется, было бы резонным сослаться на энергичные поиски современной науки в сфере нанотехнологии, но ведь никакие «нанопродукты» и «нанотовары» не смогут удовлетворить спрос. В том, что касается пищи, воды, жилища и жизнеобеспечения старых и новых миллиардов людей, потребуются прежде всего примерно то же, что и сегодня. А это значит, что технико-технологическое, энергетическое и всякое прочее антропогенное давление на планету, как и горы загромождающих и сильно засоряющих землю и океаны отходов, могут только расти.

Предполагаемый неизбежный и резкий рост производства товаров и пищи потребует не только усилий, но и ресурсов. Их пока много, открываются и новые. Но разработка и утилизация их тоже ведут к увеличению давления. И хотя эксплуатация ресурсов, скажем, в богатых ими Африке и Афганистане (именно там наиболее отсталое население с высокими темпами его прироста) может несколько облегчить участь жителей, это вовсе не значит, что они сразу или хотя бы вскоре перестанут быть отсталыми и, что крайне существенно, не будут, извините, слишком много рожать. *Перемена традиции в этом плане — если такое наблюдается — требует, как упоминалось, многих веков.* Иными словами, ни обогащение кого-либо за счет эксплуатации природных ресурсов, ни энергичный рост индустриально-технологической мощи с целью накормить и обустроить всех, — если это вообще представляется возможным, — не избавит планету от увеличения давления на нее. Причем увеличения большого и постепенно становящегося, как вполне можно предположить, едва выноси-

мым, если не невыносимым вообще. Как будет реагировать на это Природа с ее законом баланса, который для того и существует, чтобы не допустить хаоса, вызванного неуважением к приемлемой и не нами установленной норме?

Выше уже высказывалось предположение, что трагедии XX столетия в какой-то мере — не сводя, разумеется, все к этому — можно объяснить проявлением ответной реакции на человечество со стороны Природы, ее закона баланса. Но даже если это не так, то значит ли это, что и в XXI столетии все можно делать, не считаясь с Природой? А если Природа не мертва и не безразлична ко всему, что с ней делают люди, а стоящий на ее страже закон существует и каким-то образом проявляет свое существование, то не означает ли это, что нечто не вполне обычное может произойти? Отдельный вопрос, что именно может случиться.

Недовольство бедных и экстремизм. Социальный инстинкт как реакция на перенаселение

С. Хантингтон упоминал, что столкновение цивилизаций, каждая из которых стремится к овладению разным оружием массового уничтожения, может сыграть в скором будущем свою роковую роль. Но есть основание предположить, кроме этого, и иное. Если обратить должное внимание на опыт экстремизма марксистско-исламистского типа на протяжении всего XX в. и иметь в виду тоталитаризм с присутствием ему массовым террором, окажется вполне уместным поставить вопрос и о социоидеологических мотивах. Имеется в виду генеральный принцип «бедные против богатых». Те, кто ставит на него, в последнее время очевидно активизируются. *Они вполне могут не столько заместить столкновение цивилизаций, сколько очень эффективно дополнить то, что с ним связано.* Важно учитывать как психологию отсталых, легко поддающихся на агитацию под лозунгами типа «Грабь награбленное!», так и то, что в современной реальности их успехи становятся более заметными.

Пока активность такого рода разрознена и крайне разнообразна. К их числу можно отнести маоистов где-то между Бангладеш и Ин-

дией или иные бандитские группы в разных регионах, антиглобалистов повсюду, а также латиноамериканских президентов типа У. Чавеса и Э. Моралеса с их «новым социализмом». Стоит вспомнить и многих мигрантов в Европе из Азии и Африки, недовольных тем, как они устроены в новой жизни. И это далеко не все. Сила сторонников отсталой мировой деревни в том, что у них есть как прочное будущее, так и нечто общее, что всех их объединяет. Это ненависть к процветающему Западу, по отношению к которому они болезненно ощущают свою несостоятельность. А комплекс такого рода — огромная движущая сила. И если представить, что количество тех, бедных и обездоленных, кто, вполне возможно, будет старательно разагитирован в соответствующем духе к середине нашего века, достигнет 9 млрд, если не больше, — при сохранении численности западного «золотого миллиарда», если даже не уменьшении ее, — то легко понять, в каком состоянии окажется передовой Запад. Это важно сознавать, даже имея в виду, что совокупное население передовых государств, включая близкие к заселенным европейцами странам некоторые другие типа Японии, будет уже представлено не одним только «золотым миллиардом», а, скажем, полутора такими миллиардами. Стоит ведь учесть, что европеоидное население Запада если и не вымирает, то в абсолютной его численности постоянно и повсюду сдает позиции. Примерно 10%-е нынешнее вкрапление мигрантов из Азии и Африки на Западе будет к тому времени, о котором идет речь, — а оно очень близко к нам, — скорее всего, равным 20–30%, если не больше.

Оговорюсь, что не пытаюсь постулировать стопроцентную истинность своих кажущихся апокалиптическими построений. Но твердо стою на том, что беззаботное отношение человечества и особенно его передовой части, ответственной в конечном счете за все, что за несколько последних веков произошло и что ныне происходит в мире, к проблеме перепроизводства населения на жестко ограниченной размерами планете к добру не приведет. Нет сомнений, что ряд стран Востока стремится к овладению оружием массового уничтожения, и это не пустые слова, особенно в свете очевидных успехов экстремистов. Здесь очень существенно разделить проблему столкновений (неважно, цивилизаций друг с другом или бедных с богатыми) и проблему выживания человечества в близком уже будущем. Независимо от того, дойдет ли предполагаемое столкновение сторон, отражаю-

щих диаметрально противоположные интересы мира, расколотого в силу стечения объективных обстоятельств, до массового взаиморазрушения или этого не случится, судьба человечества представляется незавидной. Ведь в любом случае самое главное и поистине неотвратимое не будет ликвидировано. *А сводится оно не столько к прогрессирующему перенаселению за счет наиболее бедных и отсталых, но и к следующему за ним* — даже если столкновения не примут характера массового уничтожения, которое вообще-то легко будет компенсировано тем же приростом, — *непоправимым сдвигам. Речь о процессах антропогенного давления на планету и ответных явлений природно-климатического характера.*

Можно в принципе утешаться тем, что разум и наука очень быстро прогрессирующего человечества приведут к таким открытиям, которые создадут кажущиеся сегодня некоторым неиссякаемыми источники энергии. Но стоит ли обольщаться? А что будет тогда, когда и этот источник начнет иссякать? Ведь прирост может и не остановиться, ибо биологический инстинкт, определяющий его в тех слоях населения, которые этот прирост почти исключительно обеспечивают, легко не исчезает. А речь идет, вполне очевидно, далеко не о многих веках, необходимых для существенных изменений в уровне культуры. И еще, реально ли вообще рассчитывать на такие изменения, если стандарт воспроизводства не будет резко сокращен. А сократится он лишь с изменением уровня культуры. Так кто кого? Словом, пределы роста, о которых писали ученые, уже видны, просматриваются и просчитываются. И это очень серьезно. Всему миру, человечеству в целом есть над чем подумать и чем основательно заняться.

Но оставим пока в стороне апокалиптические мотивы и обратимся к иной проблеме темы. Взглянем в совершенно новом аспекте на некоторые генеральные принципы эволюции. О чем идет речь? Многих, видимо, не оставляли равнодушными, даже интриговали хорошо известные факты выбрасывания на берег групп китов, что повторялось достаточно регулярно. Киты, как известно, питаются планктоном, которого вроде бы на всех хватает. Больше того, их в середине XX в. так интенсивно уничтожали, что было принято решение сильно ограничить китобойный промысел. Но, тем не менее, они время от времени выбрасываются. Считать это чем-то вроде осознан-

ного самоубийства нет оснований. А найти более понятный резон никому, насколько известно, не удавалось⁶. Между тем, если ввести в рассуждения о событиях подобного рода понятие «социальный инстинкт» и воспринять его не столько как форму активного протеста, сколько как регулирующую силу поведения вида в целом, который существует в строгом соответствии с теми законами, что были открыты и обоснованы Ч. Дарвиным (а это и есть, напомним, вселенский закон баланса), многое сразу же встает на свои места. Разумеется, никто и никаким образом не мог и не может дать китам рекомендацию выброситься, нередко сразу в достаточно внушительном количестве. Но и о случайности феномена едва ли стоит вести речь. Скорее, можно предположить, что коллективное самоубийство является проявлением социального инстинкта, вызванным к жизни интересами вида.

Есть некоторые основания придать такому предположению научную основу. Один из основоположников генетики А. Вейсман, рассуждая о том, что старение как завершающий этап индивидуального развития организма может быть запрограммировано, высказался в своей лекции в 1881 г. так: «Я рассматриваю смерть не как первичную необходимость, а как нечто, приобретенное вторично в процессе адаптации. Я полагаю, что жизнь имеет фиксированную продолжительность не потому, что по природе своей не может быть неограниченной, а потому, что *неограниченное существование индивидуумов было бы роскошью без какой-либо протекающей из нее выгоды... Изношенные индивидуумы не только бесполезны для вида, но даже вредны, поскольку они занимают место тех, кто здоров*». Вдумайтесь в то, как эта мысль сформулирована⁷, и вы окажетесь вполне готовыми к тому,

⁶ Существует и немало других гипотез на этот счет. Желаящим рекомендую обратиться к поисковым системам в Интернете. Как известно, нечто похожее случается и с другими животными. Можно напомнить о массовой гибели нерестящихся осетров или о мигрирующих грызунах-леммингах, которые раз в 3–4 года очень сильно размножаются, после чего начинают бег неизвестно куда, но через реки либо озера, где и тонут. А в 2009 г. на песчаный пляж острова между Австралией и Тасманией выбросилось около 200 дельфинов. Интересен случай в Турции, когда 400 овец на глазах пастухов прыгнули в пропасть глубиной 15 м. В Индии стая из 60 голубей врзалась в бетонную стену армейской базы. А сообщения о массовой гибели птиц не раз поступали в 2010–2011 гг.

⁷ Текст отрывка доступен в Интернете. Стоит добавить, что со временем идея нашла свое подтверждение на клеточном уровне. В 2002 г. С. Бреннеру, Дж.Э. Сал-

что речь идет о том же, что касается и упоминавшихся выше массовых самоубийств животных. Сходство не в тех либо иных формах и субъектах, кончающих с жизнью. Оно в главном: жизнь не может, не должна быть неограниченной, ибо это мешает существованию вида (то же самое, что говорил Дарвин про потомство одной пары любого вида). Не будем акцентировать внимание на том, уходят более слабые или старые, по Вейсману, «изношенные». Быть может, бывают вполне еще молодые и здоровые особи. Главное, что на кого-то выпадает жребий судьбы.

Снова замечу, что никто никак никем не руководит. А просто кто-то уходит из жизни, подчас — если иметь в виду людей — вполне добровольно. Бесстрастная статистика утверждает, что число самоубийств растет в тех случаях, когда создается ситуация, обостряющая условия жизни, угнетающая людей. Например, в ГДР после возведения Берлинской стены количество случаев суицида, по некоторым данным, увеличилось в 25 раз. А если кто-то заинтересуется, чего больше в России последнего времени, убийств или самоубийств, он будет немало удивлен той же статистикой. Не стану перегружать свой рассказ цифрами, ибо не исследую эту проблему. Важно то, к чему ведет логика рассуждений. А она достаточно однозначно свидетельствует о том, что в ситуации жесткого ограничения условий существования (такая ситуация существует в нашем перенаселенном мире, что не нуждается в дополнительных аргументах) ценность жизни в глазах живущих объективно уменьшается. Это может никак не быть осознано, но инстинктивно ощущается если не всеми, то многими. Конечно, к любой ситуации люди приучены привыкать, начинать считать чем-то естественным. Но ведь именно отсюда и рождается не вполне естественная для нормального индивида готовность пожертвовать жизнью ради какой-либо искусно возвеличенной цели. *Взаимное уничтожение в войнах и иных столкновениях объективно соответствовало требованиям закона баланса. Учет и смерть от голода, эпидемий, болезней и прочих невзгод.* И в этой ситуации то, что приходит на смену жизни, логично оказывается готовностью если не многих, то кое-кого умереть по собствен-

стону и Х.Р. Хорвицу была присуждена Нобелевская премия за открытие механизма апоптоза. Апоптоз — это генетически запрограммированный защитный механизм, который направлен на запуск самоуничтожения патологически измененных, мутировавших клеток.

ной воле. Она, как известно, характерна для идеологии тоталитарного типа, что россияне хорошо знают на примерах из своей недавней истории («За Сталина!» – помните?).

И хотя специалисты пока не нашли приемлемого объяснения, многое говорит о том, что в рамках каждого биологического вида существуют диктуемые именно неподотчетным разуму инстинктом нормы, объективно направленные на соблюдение баланса. Что касается человечества, то не следует думать, что в нем нет места инстинктам, восходящим к животному началу. И хотя разум отличает его от всего остального живого, инстинкты ему не чужды. А среди них не последнее место занимает стремление к уничтожению себе подобных, что не исключает и подсознательный террор самоубийц. Он появился, насколько известно, не так уж и давно, но в наши дни, как вполне заметно, принял угрожающие размеры. А формы его разнообразны, от идейно-религиозного фанатизма шахидов до самоотравления алкоголем и особенно наркотиками. Однако и это еще далеко не все сложности, которые возникают перед человечеством. Но сказанного вполне достаточно для выводов.

О перспективах

Что следует ожидать и как можно повлиять на описанный процесс? Итак, на планете началась зримая эпоха парадоксов. С одной стороны количество бедных и обездоленных неуклонно растет, ибо привычная инстинктивная норма воспроизводства, которая легко не меняется и потому продолжает и долго еще будет продолжать давать о себе знать, оказывается мощной и в основе своей косной силой, которая отнюдь не нейтральна. Она давит не только на планету и выступающую от ее имени и стремящуюся к балансу Природу. Она все сильнее давит на доступный для наступления на него Запад. Взрыв в 2010–2011 гг. недовольства в арабском средиземноморском поясе Ближнего Востока можно расценивать как усиление такого давления. Резюмируя, есть основания заметить, что продолжающий отставать, но все активизирующийся и в основе своей молодой Восток, вчерашняя мировая деревня, теснит стареющий и ослабевающий Запад.

Это еще не диагноз, но уже тенденция, у которой нет основы для движения в обратном направлении. Прогнозы демографов неумолимы. Даже если темпы прироста уменьшатся, численность населения планеты продолжит, как упоминалось, ощутимо возрастать, а доля Запада в этом движении станет катастрофически уменьшаться. Вместе с ростом числа живущих встает отнюдь не легко решаемая проблема содержать всех на вполне приемлемом, а для большинства из числа наиболее бедных и отставших — на недостижимом пока для них высоком уровне. Едва ли человечество вообще когда-либо справится с этой задачей. Но даже некоторое необходимое поступательное движение в таком направлении теперь уже — в отличие от того, что было всегда прежде, — отнюдь не соответствует вызовам Природы и требованиям баланса. Напротив, может рассматриваться как дерзкий вызов Человека по отношению к ним.

И это вполне понятно. Поверхность Земли и все ее ресурсы интенсивно используются, кое-где и исчерпываются. Уменьшается количество питьевой воды; сводятся леса, без восстановительной деятельности которых вполне может встать проблема воздуха; возникают озоновые дыры, что тоже имеет самое прямое отношение к атмосфере. Прибавьте к этому постоянно растущее засорение планеты отходами, технико-технологическими и бытовыми, что тоже отнюдь не безразлично для всех. Нет необходимости напоминать, что сложности с экологией не ограничиваются сказанным — есть и немало другого. Природа со своей стороны обеспокоена. И она не молчит, более того, действует. Обратите внимание на резко возросшие буквально на глазах и продолжающие очень быстро расти количество, размер и трагические следствия разного рода геоклиматических аномалий. Имеются в виду частые и сильные землетрясения, вулканические взрывы с выбросом пепла, многочисленные и огромные по охваченной ими территории наводнения, разного рода смертоносные цунами, тайфуны и смерчи.

Нельзя сбрасывать со счетов и просто очень тяжело переносимые и чреватые многочисленными смертями капризы (назовем их так) погоды, включая невыносимую жару с лесными пожарами, таяние льдов на Севере и многое другое. И нет сомнений, что ответом на чрезмерно возросшее антропогенное и техногенное воздействие людей на планету со стороны Природы могут стать и другие вызовы, а

то и санкции. Арсенал такого рода потенций настолько обилен и непредсказуем, что трудно сказать о них что-либо определенное. Но не исключены и импульсы, способствующие в мире живых чему-то вроде массового суицида, не стоит забывать и о достаточно вероятной потенциальной возможности усовершенствования оружия массового уничтожения и использования его террористами. Наконец, могут стать реальностью и какие-нибудь дефекты в воспроизводящих мужских или женских органах людей с последующим обильным появлением на свет неполноценных особей с непредсказуемыми физическими и психическими особенностями. Природа с ее мутациями изощрена и сама, естественно, непредсказуема.

Надо отчетливо осознавать, что она хоть и не живая, но, вынужден повторять, отнюдь не безжизненная. И если принять, что Природа, как есть основания полагать, объективно несет ответственность за положение дел на планете и потому не столько чувствует, сколько оказывается обязанной вмешиваться во все то, что происходит на ней (а иначе почему бы в ее руках — а чьими еще эти «руки» следует считать — всегда имелся такой могучий инструмент, как непредсказуемые мутации?) с целью призвать разбушевавшееся человечество к соблюдению приемлемой нормы. Она не может, не в состоянии действовать так, как то было бы необходимо для того, чтобы непосредственно навести порядок самой. Но в ее распоряжении — и не стоит не считаться с этим — есть весьма серьезные средства заставить разумное человечество, как и вообще все живое на планете, сделать так, чтобы приемлемая норма была все же восстановлена. И поверьте, в единоборстве с человечеством у нее хватит сил настоять на своем. Вспомним хотя бы о ледниковых периодах.

Вообще же речь вовсе не о том, чтобы запугивать кого-то или давать рецепты. Гораздо важнее осознать, что генеральный принцип эволюции, как и тесно связанная с ним явная первичность идейно-институционального фундамента, ныне, как никогда прежде за всю историю человечества, более чем решительно выходят на авансцену. Либо все мы, люди XXI в., это поймем и, опираясь на разум, учтя и вызовы Природы, и требования закона баланса, примем соответствующие меры, либо в противоборстве Человека с его Матерью-Природой он потерпит поражение (слишком уж неравные силы), причем, похоже, достаточно скоро, отнюдь не в перспективе многих веков. Боюсь, что третьего выхода просто нет.

Несколько слов о возможных приемлемых параметрах грядущего идейно-институционального фундамента, который призван стать основным, если с должным вниманием относиться к сложившейся на планете ситуации. Они, эти параметры, не могут и не должны перестать быть гуманными и доброжелательными к человеку, ко всем людям. Но смысл необходимых и обязательных сдвигов в том, чтобы каждый, обретая все нужное для своего существования в соответствии с потребностями нашего времени, в то же время хорошо знал свое место, свои обязательства и, самое главное, строго соблюдал режим, определяющий максимальную численность населения в мире, и не пытался бы за счет не слишком осязаемого им, но на деле уже почти ничем не ограниченного распространения сферы его становящегося немисливо бесцеремонным модуса вивенди, оттеснить все остальное живое на Земле и все условия для его, а в общем-то и для своего существования на обочину. Он, этот обобщенный человек, т.е. человечество, не имеет права, *не должен рассчитывать на то, что ему все можно и потому ни о чем, связанном с завтрашним днем, не следует основательно думать.* Думать, напротив, очень даже нужно, причем много, и чем дальше, тем более основательно.

Тот идейно-институциональный фундамент, который следует выработать и сделать господствующим, будет обязан прежде всего считаться со всем тем, о чем только что шла речь. Не берусь предлагать, как конкретно будущая первооснова должна выглядеть. Тем более, как этого добиться. Но кое о чем в этой связи скажу. *Первенствующий в наши дни в передовых странах богатого Запада либерально-демократический фундамент,* который вызвал в XIX в. эффект триумфа буржуазного индустриального предпринимательства во всем мире и столь решительно воздействовал на ускорение темпов развития всего человечества, включая повышение уровня жизни на всей планете и воспроизводство самих людей, *стал исчерпывать себя.* Речь вовсе не о сомнении в благотворности процесса вестернизации и модернизации человечества и тех великих достижений науки и техники, технологии и информационного метода общения людей, которые глобализовали мир и невиданно преобразили образ существования людей. Речь о том, что время этого века безвозвратно ушло вместе с мировыми войнами, тоталитарными режимами и антизападной риторикой.

Нужно нечто новое, в какой-то мере — и это, пожалуй, главное — уравнивающее шансы, а вместе с ними и стандарт бытия для всех. Не знаю, как это можно было бы реализовать в планетарном масштабе, но без этого не обойтись. А для того, чтобы это стало ощутимо, необходимо осознать ситуацию и реализовать осознанное уже за исторически соизмеримое с ситуацией время, то самое время, которого у человечества остается не слишком много. Интуитивно кое-кто уже это сознает⁸. Но факт, что другого выхода в принципе не будет. Однако все дело в том, что современный мир, резко возросший за счет безмерного увеличения бедных, сильно отставших в развитии и потому обездоленных судьбой, этого еще не осознал. И совсем не ясно, когда это осознание придет и что должно этому предшествовать. Рассчитывать на спокойный ход шагов истории едва ли приходится, ибо этого недостаточно. Осознание необходимости перемен приходит очень медленно, нужны многие века приличного существования. Если же такого не будет — а надеяться на это оснований очень немного, — все невероятно усложнится.

Наивно рассчитывать, что полупервобытное население Африки — да и, к примеру, афганцы, которые не слишком далеко от него ушли, — отойдут от своей привычной нормы существования просто так, да еще и в обозримом будущем. Этого невероятно трудно добиться по многим очень серьезным причинам. Не только упомянутые части человечества, но и огромное большинство населения мира окажется просто не в состоянии понять тех, кто попытается, к примеру, объяснить им, почему не следует много рожать и как для достижения этой цели следует себя вести. Они в ответ будут, вполне естественно, требовать помощи и содействия в содержании всех на приемлемом уровне. Особенно если принять во внимание политику многочисленных современных экстремистов, наиболее заметное место в ряду которых ныне занимают активные сторонники бедных и несчастных,

⁸ Приятно принять к сведению, что эта идея витает в воздухе. Имеется в виду не только афоризм А. Лившица «делиться надо», не очень-то подействовавший в нашей России, но все же сформулированный в ней. В гораздо большей мере реальностью следует считать то, что проделали со своим наследством богатейшие миллиардеры нашего времени, Б. Гейтс и У. Баффет, завещавшие свои многие миллиарды, — за исключением считанных миллионов, оставляемых наследникам, — на нужды благотворительности. Это уже вполне серьезно и может быть воспринято как многообещающее начало. Это уже почти то, что имеется в виду.

оставших и обездоленных, действующие разными методами, вплоть до террора, разного рода маоисты, исламисты или анархисты. А заметное ослабление Запада окажется сигналом для усиления их нажима на него.

Еще раз настойчиво повторяю, что не понимаю, как новой первоосновы бытия можно будет добиться и даже не очень-то верю, что добиться вообще можно будет. Насколько я знаком с историческим путем и проблемами человечества — а порукой тому написанные мной тома по всеобщей истории, истории Востока или религии — никогда, со времен ранней первобытности, желанных равенства и справедливости нигде не бывало. Однако это не мешало обездоленным пытаться силой добиться своего и, что не стоит недооценивать, разграбив «награбленное», *сразу же со вкусом потребить все захваченное*. Больше того, едва ли следует сильно сомневаться, что обездоленные судьбой, едва вышедшие за пределы полупервобытности готовы будут и в будущем с легкостью на это — «Грабь награбленное!» — пойти. Не стоит забывать о судьбе европейских ферм в Зимбабве, которые, будучи силовым образом переданы местному населению, зачахли и перестали существовать. И если такое снова случится, да еще и в сколько-нибудь массовом масштабе, едва ли человечество вообще найдет искомый выход к лучшему. Словом, к чему-то действительно позитивному новому прийти невероятно трудно, если считать это возможным. Создается нечто вроде безвыходного заколдованного круга. Но выйти из него необходимо.

Мир не просто численно резко вырос и внутренне гигантски усложнился. Он оказался буквально на краю пропасти. Массы голодающего и неудовлетворенного своим положением населения уже сегодня в немалой мере выходят из под контроля своих правительств, а идущая им на смену новая власть едва ли будет в состоянии исправить положение вещей. *Она не сможет предоставить голодным пищу, безработным рабочие места и всему населению планеты достойный уровень существования*, который благодаря современным массмедиа становится практически всем известным, а потому нормальным и желаемым, а то и требуемым. Богатый передовой Запад, несущий на себе пока основную тяжесть заботы об оставших, слишком долго нести эту ношу, которая легла на его плечи и все больше давит на них, не сможет, а Китай и Индия, как упоминалось, взять эстафету не в

состоянии. Но процесс роста народонаселения не прекращается, а демографы, публикующие успокоительные прогнозы, *напрасно надеются на то, что меньшие темпы прироста при сохраняющемся на длительный срок постоянном возрастании абсолютного количества миллиардов будут чем-то благотворным*. И мало кто всерьез думает над тем, как содержать на приемлемом уровне не когда-либо, а уже в середине нашего века те 9–10 млрд, которые станут к тому времени закономерно предъявлять все более высокие требования к стандарту их жизни. О числе миллиардов к концу века не стоит и вести речь.

Нет смысла продолжать. Все ясно без вырисовывания деталей. И эта ясность не может не быть пугающей. Она в любом случае ведет к не слишком приятным следствиям, в частности к неминуемому обострению положения вещей, причем уже не где-нибудь, а едва ли не повсюду. *И осознание неотвратимости грядущего должно стать осознанным импульсом, адекватной реакцией на который станет новая идейно-институциональная первооснова бытия человечества, новый его фундамент, опираясь на который человечество только и сможет продолжать достойное существование*. Быть может, для этого придется принимать меры, объективно вынуждающие людей, не желающих этого, менять свои предпочтения. Всех людей, начиная с ответственных руководителей их правительств. Запад будет вынужден смириться с тем, что он не может не платить, не делиться во все большем объеме со все большим количеством неимущих. А они, неимущие, должны будут стать вынужденными работать по западному стандарту (как, к примеру, вынуждены были прежде работать у европейских фермеров в качестве их наемных работников те зимбабвийцы, которые потом, став собственниками и хозяевами этих ферм, разорили их).

Сегодня на сходный с зимбабвийцами путь пытаются стать довольно многие из тех мигрантов, что живут в странах европейского Запада. Второе-третье поколения переселенцев, рожденные на Западе и вроде бы адаптировавшиеся, часто, не слишком прилежно учась и не получая хорошо оплачиваемых рабочих мест, предпочитают не работать, а жить на социальное пособие. Это ведет к упадку высокого западного стандарта, но, главное, не способствует изменению модуса поведения тех, кто привык жить иначе. Поэтому нет оптимизма, когда заходит речь о выравнивании стандарта в масштабах человечества. Оно, человечество, в той самой большой его части, о

которой идет речь, склонно к выравниванию не по высшему, а по низшему уровню, что уже достаточно скоро может отразиться на очень многом. На этом стоит сделать особый акцент, ибо стареющий и слабеющий Запад ранее и более всего ощутит такого рода тенденцию.

В состоянии ли мир и прежде всего его ответственные верхи и их мудрые ученые советники осознать ситуацию? Безусловно, да. Поможет ли такое осознание? Не стоит отвечать на этот риторический вопрос. Одно замечу: элементарное небрежение с продуманным ответом на него недопустимо, ибо чревато такими осложнениями, которые обойдутся много дороже. Торг здесь немыслим. Человечество во имя своего самосохранения не может не принять нужные меры. Природа этого не допустит, даже если ей придется стимулировать все ее последующие вызовы таким образом, что они смогут спровоцировать катаклизмы, вплоть до вселенской катастрофы. Как этого избежать, у меня, стоит повторить, рецептов нет. Я рассматриваю свою задачу как отчаянный призыв, пусть даже со стороны чересчур, чрезмерно озабоченного алармиста. Призываю осознать и оценить ситуацию и всерьез задуматься над вполне возможными ее последствиями. Напоминаю, что мы не вправе не обращать внимания на то, что делает человечество с планетой, что это забота далеко не одних только экологов.

Экологи справедливо обращают пристальное внимание на роль, в частности, химизации, на то, как от нее страдает биологическая основа живых и чем это грозит уже сегодня и будет еще больше грозить людям в будущем. Они видят, как загажен мировой океан, насколько многим не хватает питьевой воды, волнуются по поводу заражения поверхности Земли и ее атмосферы отходами, неравнодушны к озоновым дырам и т.д. и т.п. Можно добавить к этой их обеспокоенности и все то, что связано с опасностью радиации в случае поражения ядерных энергопроизводителей. Все это более чем серьезно. Но в отличие от экологов я склонен воспринимать свою задачу иначе, шире и серьезнее, глобальнее. Люди должны уже думать не столько о загрязнении и заражении окружающей среды, сколько о существовании ее в сравнительно недалеком будущем.

Пока что все то, что делается Природой в этом направлении (надеюсь, ни у кого нет сомнений, что далеко не исчерпывающе перечисленные выше геоклиматические аномалии происходят не сами по себе, но от ее имени, из-за вынужденного ее недовольства людь-

ми, неприемлемости сложившегося положения дел), лишь цветочки. И нет никаких сомнений, что ее, Природы, деятельность на сделанном не остановится. А чем менее численно растущее и постоянно обогащающееся в технико-технологическом отношении современное человечество станет, даже просто будет вынуждено с этим не считаться, а также чем дольше оно продолжит усиливать свое бесцеремонное давление на планету, тем тяжелее может оказаться возмездие. Нет смысла гадать, в чем оно сможет выразиться. Но есть основания опасаться, что без уяснения сложившейся на планете ситуации и серьезных необходимых действий, направленных на удовлетворение естественных объективных требований закона баланса человечество, даже опирающееся на весь свой веками накопленный совокупный Разум, не выстоит. Напротив, скорее всего потеряет многое, если не все.

Vasiliev, L. The Laws of Evolution and Problems of Humanity : Working paper WP17/2011/03 [Text] / L. Vasiliev ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow: Publishing House of the National Research University “Higher School of Economics”, 2011. – 60 p. – 150 copies.

The paper focuses on particular issues of macro-historical and macro-sociological analysis, such as the global logic of evolution, the interrelationship between Nature and Human Being, their inter- and counteraction in the course of history and today. I suggest an original theory of historical process, where I particularly suggest to regard rationality and institutional basis as a major factor that drives evolutionary change in society, and consequently criticize many of the propositions in the Marxist historical logic (i.e. the role production forces, bases and formations, etc.). It further leads to the discussion of particular problems concerned with the rising world poverty, overpopulation and its increasing pressure on the planet, which poses serious threats to the humanity. In the final part I speculate on the general failure in coping with these problems, especially with regard to the unfavorable geoclimatic and ecological situation.

Key words: general laws of evolution, nature and people, ideology and institutional basis as a driver of evolution, structures and types of society, traditional East and antique-bourgeois West, modernization and westernization, the rise of the East, XXth century and overpopulation problem, reproduction as an instinct, world poverty, population pressure, ageing of the West, restless future.

Vasiliev Leonid – graduated from Moscow State University (1953), doctor in history science (1976), full professor at National Research University “Higher School of Economics”, head of the Chair for national and world history at NRU HSE, head of the Laboratory for historical research at NRU HSE.

Препринт WP17/2011/03

Серия WP17

Научные доклады

Лаборатории сравнительного анализа развития
постсоциалистических обществ

Васильев Леонид Сергеевич

Законы эволюции и проблемы человечества

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *О.С. Большова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆, Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,9
Усл. печ. л. 3,5. Заказ № . Изд. № 1354

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15